

Александра Аракчеева

ЖИВЁМ ЗАОДНО

Александра Аракчеева

Живём заодно

<https://litres.ru/74394393>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дебютный роман Александры Аракчеевой «Живём заодно» — настоящий подарок читателям, рождённым в СССР и влюблённым в город на Неве. В основе сюжета — история дружбы трёх девушек, чьи студенческие годы пришлись на позднесоветское время. Действие происходит в середине 80-х гг. в Ленинграде. Саша, Наташа и Мариша — первокурсницы библиотечного факультета института Культуры. Они совсем не похожи друг на друга — ни внешне, ни по характеру, но их связывает учёба и тесная дружба. Читатель становится свидетелем их взросления, увлечений и разочарований. Подруги прилежно учатся, а в свободное время гуляют по любимому городу, ходят на свидания, посещают театры, выставки и магазины. Один из главных героев романа — сам Ленинград, его ещё не переименованные улицы, знаменитые парки и пригороды со своими историями и байками. Вместе с героинями читатель сможет заглянуть в «Пассаж», посидеть в мороженице, вспомнить юность, а кто-то, быть может, откроет для себя страну, любимую многими и поныне.

Александра Аракчеева

Живём заодно

Александра Аракчеева
ЖИВЁМ ЗАОДНО

Посвящается моей маме Надежде Анатольевне

I

Своих будущих подруг я впервые увидела на дне посвящения в студенты. Волнения вступительных экзаменов (а мы тогда сдавали самые что ни на есть настоящие вступительные экзамены) были позади, и я смогла оглядеться внимательнее, чтобы оценить шансы среди однокурсниц.

Представляюсь: Александра, фамилия знаменитая – Аракчеева. Сразу предупреждаю, генералов в роду не было, правда, сама не проверяла, поверила деду на слово. Я весёлая, заводная, активная, увлекающаяся, в общем, особа, вполне уверенная в себе. Это на людях. Но есть и другая сторона моей жизни, которая известна одной мне, даже маме туда дорога заказана, и в этой другой, моей собственной жизни я – сплошной комок комплексов. Просто до ужаса неуверенный в себе человек. Стараюсь, как могу, скрывать ото всех эту другую Сашу, и пока обман, как мне кажется, проходит

успешно. Причина банальна: я толстая, причём была такою, сколько себя помню – с самого детского сада. Не то чтобы я много ела, не больше других, но, тем не менее, мой размер – 50-й, и он доставляет мне немало горьких минут. К тому же я близорука, со второго класса ношу очки. Всё одно к одному, но я не унываю. Ещё в школе я отважно натягивала ультрамодные джинсы, ходила на дискотеки и кокетничала с парнями – одним словом, боролась за своё счастье. Успеха особого не было, но и неразделённой любви, слава богу, не случилось. А теперь я к тому же студентка – самое время начать всё сначала и как можно скорее попробовать стать счастливой.

*

Мы собрались у Лебяжьей канавки и ждали начала церемонии. По вывешенным у деканата спискам я нашла себя в 114-й группе и сейчас с замиранием сердца подошла к табличке с тем же номером. На мне были короткие кожаные итальянские сапожки белого цвета, которые папа привёз из Австрии – этого вполне хватало, чтобы ощущать себя достойно в эпоху тотального дефицита и пустых прилавков. На дворе стоял 1984 год, перестройка ещё не началась, а знаменитый генсек уже умер. Впрочем, тогда меня мало занимали эти реалии.

Табличку «114 группа» держала в руке такая же крупная девушка, как я. Одета она была очень просто: в коричневую

юбку и пёструю блузку. Белолицая, со здоровым румянцем и замечательной улыбкой – прямо Лидия Федосеева-Шукшина.

– Я как раз в 114-й группе, – сказала я девушке, – меня зовут Саша, Саша Аракчеева.

– Привет. Неля, Зайцева, староста группы.

По забавному протяжному говору я сразу поняла, Неля – приезжая, из глубинки.

– А как становятся старостами?

– Не знаю, наверное, меня назначили из-за того, что я окончила библиотечный техникум и по возрасту старше всех вас. В техникуме три года проучилась, потом в библиотеке год проработала, теперь поступила в институт, – в словах Нели сквозила неподдельная гордость.

Сама я мало задумывалась о профессии библиотекаря. Мне не давалась математика, а гуманитарное образование в Ленинграде можно было получить только в трёх вузах: университете, институте культуры имени Крупской и педагогическом имени Герцена (театральный не в счёт). Поступить в Университет всегда было трудно, в педагогическом требовали рекомендацию от школы, оставался институт культуры... Вот у Нели всё по-другому, она сознательно идёт по этой дорожке, она прирождённый библиотекарь, это написано у неё на лице – спокойная, рассудительная, доброжелательная.

Я ничего больше не успела сказать, моё внимание привлекла группа людей: девчонку с густыми тёмными волосами

сопровождала целая делегация – видимо, мама, папа, бабушка, и ещё очень симпатичный молодой человек. Лицо девушки мне показалось знакомым. Все, кроме молодого человека, были поразительно похожи друг на друга. Высокий блондин не отходил от девчонки ни на шаг, она же уверенным тоном руководила всеми. Заметив меня, улыбнулась и кивнула:

– Привет! Ты меня помнишь? Мы вступительное сочинение на соседних партах писали. Меня зовут Наташа Силантьева.

Наташа мне понравилась сразу, такая весёлая, красивая, в глазах плясали чёртики.

– Александра, – представилась я. – Ты тоже в 114-й группе?

– Да, – ответила Наташа, – специальность «Художественная литература и литература по искусству».

Мы рассмеялись: это звучало так эффектно, что хотелось повторять снова и снова, особенно «литература по искусству». Но тут к Наташе подошёл её блондин, что-то зашептал ей на ушко, она заулыбалась, а я попятилась назад – не хватало ещё, чтобы подумали, что я подслушиваю.

Готовясь проходить строем по Марсову полю, мы стояли плотной группой, поэтому, пятясь, я тут же на кого-то натолкнулась. Оглянувшись, узнала ещё одну девочку, которую видела на вступительных экзаменах. Она выглядела немного уставшей, печальные глаза придавали лицу выражение примерного, но обиженного ребёнка, светлые волосы

были гладко зачёсаны и заплетены в косичку. Скромной она была стопроцентно, это подтверждал и её наряд – простая чёрная юбка и болотного цвета свитерок.

– Ой, извини! Я не хотела.

– Ничего, – ответила, чуть улыбнувшись, девушка, – здесь такая толчея...

– Тебя как зовут? – спросила я.

– Марина, Марина Фёдорова.

– А меня Саша. Аракчеева.

– Мы историю вместе сдавали, – сказала Марина.

– Я тебя помню, ты всё время что-то читала в учебнике, даже в последнюю минуту перед экзаменом. Я ещё подумала, что перед смертью не надышишься.

Марина снова грустно улыбнулась.

– По списку в нашей группе двадцать человек, двоих я уже знаю, ты – третья, даже один парень есть, интересно, какой он?

– Вон, смотри, – Марина показала куда-то влево, – видишь, в рыжей кожаной куртке?

Я повернулась и увидела сутулого молодого человека богемного вида, с тонкими чертами бледного лица, всклокоченными и, похоже, крашеными волосами. Он был симпатичным, но держался как-то в стороне, явно стараясь показать, что не с нами.

– Бедный, наверное, нелегко быть единственным в таком цветнике, – заметила я и не договорила, потому что началось

действие под названием «Посвящение в студенты». Как полагается на таком мероприятии, нас торжественно поздравляли и чего-то желали. Память моя не сохранила подробностей церемонии, ничего вообще, кроме лиц трёх девчонок, с которыми я познакомилась. Так началась наша студенческая жизнь.

Вскоре меня накрыла эйфория, переходящая в лёгкое безумие: на следующий день планировался отъезд в колхоз. Это казалось таким замечательным приключением, мне даже не пришло в голову отказаться от поездки, хотя могла запросто откосить с моей близорукостью в минус седьмой степени. Я же считала, мне очень повезло, что никто не обратил на моё зрение никакого внимания, и я с другими первокурсницами оказалась в одном бараке в славном Тосно, ближайшем пригороде Ленинграда.

*

Мы сидели на грядке с Леной Райзман, собирали морковь и говорили о нашей новой студенческой жизни.

– Я познакомилась в столовой с очень симпатичным парнем с факультета культпросветработы. Будущий режиссёр массовых празднеств. А девчонки из его группы настоящие стервы, сразу меня невзлюбили, как будто я украла что-то, – рассказывала Лена.

– Слышала, культпросветчики и так библиотекарей не любят, считают синими чулками и дурочками, а ты в их пони-

мании вообще змея, на святое замахнулась – парней своих они для себя берегут.

Огромным тесаком я отрезала от морковки ботву, а то, что оставалось, бросала в ящик.

Райзман невозмутимо пожала плечами:

– Господь велел делиться. Мы тоже люди. Что же нам делать, если на весь поток в 150 человек всего два парня – наш Вадик с белым билетом и бледным лицом и безумец из 111-й группы.

– Почему ты думаешь, что этот, из 111-й, безумец? – спросила я.

– Видела, как он на вступительных экзаменах себя вёл? Спорил со всеми преподавателями, практически в драку лез, к тому же ему лет тридцать уже, поздновато для учёбы.

– Мне кажется, что и Вадiku белый билет не просто так выдали, странный он какой-то, молчит всё время, людей сторонится, – вспомнила я нашего сутулого однокашника, – вот и в колхоз не поехал.

– Да какой нормальный мужик библиотекарем быть захочет? – Лена не стеснялась в выражениях. – Только больной!

– Но ведь идут же парни в затейники! Факультет культурпросветработы – кузница кадров для клубов и самодеятельности, а это, согласись, не самое мужское занятие. – Ленка опасно оглянулась по сторонам. – Ты только ребятам с КПР об этом не скажи, не поймут тебя. Они же все в искусстве. И профессии у них такие творческие: режиссёр театра,

руководитель танцевального коллектива, дирижёр оркестра. Красиво звучит, правда?

– Неплохо, только слова «народный» и «самодеятельный» ты опустила, – засмеялась я.

– Искусство принадлежит народу, значит, все коллективы народные. Станиславский, кстати, не сразу стал руководителем МХАТа, с домашнего театра начинал, вот и наши мечтают сказать своё слово в искусстве, – Лена даже поднялась с грядки.

– Святое дело, – согласилась я, – только, кажется, творцов у нас в институте гораздо больше, чем театральных студий.

– Это как судьба распорядится, – продолжала рассуждать Райзман, морковь её совсем не занимала. – Кстати, ходят слухи, что на субботний концерт Валерий Леонтьев приезжает, он ведь у нас в институте числится, на режиссуре массовых праздников.

– Неужели такое возможно? – всполошилась я. – Что ему в колхозе делать?! Но было б здорово! Или в институте его встретить: идёшь по коридору, а навстречу – Леонтьев...

– Размечталась. Мне говорили, он только на экзамены ходит, за оценками. Звезда. Это мы здесь в грязи сидим, – Лена снова села и продолжила методично рубить морковь.

– Именно что сидим и норму сегодня не выполним. Как это девчонкам удаётся? – я с горечью констатировала очевидное и совсем приуныла.

– Вот уж не знаю, – моя напарница потянулась. – Мне всё

равно, выполним мы норму или нет, вообще думаю завтра заболеть.

– С кем же мне работать?! – возмутилась я.

– Ты старосту спроси, она тебе кого-нибудь да назначит. Вон как шурует, только ботва в сторону летит, – недовольно процедила Лена.

В какой-то момент она совсем перестала работать, села поудобнее на ящик и закурила.

Мне было неприятно ходить в отстающих, но ничего не получалось, норма не давалась. Мои новые подруги Наташа Силантьева и Марина Фёдорова числились в передовиках. Наташа работала с Нелей Зайцевой и очень быстро попала в лидеры. Маринка оказалась в паре с такой же тихой и молчаливой, как сама, Федорцовой, и, может, именно поэтому, работая без разговоров, удивительно гармоничный дуэт Фёдорова – Федорцова выполнял и даже перевыполнял норму, а мы с Райзман нет.

На следующий день был сильный ветер, Лена на поле не пошла, и мне пришлось работать одной. После обеда выяснилось, что слегла Зайцева – неудачно подвернула ногу. Наш куратор Валентина Регинальдовна сделала перестановку – и вот так, с её легкой руки и волею судьбы я оказалась в паре с Силантьевой. С Наташей работалось легко, мы даже выполнили план, хотя угнаться за передовиками было уже невозможно.

Героями потока стали Владимирская и Смирнова. Эти

симпатичные девчонки из нашей группы творили на грядке какие-то чудеса. Количество собранной ими морковиросло стахановскими темпами, при этом Владимирская была кокеткой и уж точно не походила на синий чулок, в этом все убедились очень скоро.

А с Наташей мы подружились. Поправившись, Неля вернулась на поле, но напарницу в лице Силантьевой потеряла – мы с ней стали неразлучны. Видимо, родственные души всё же притягиваются, нам суждено было встретиться.

*

Автобус с поля тащился медленно, спешить было некуда, самое выдающееся событие вечера – ужин. Девчонки живописно распластались на сиденьях автобуса, замученные фигуры в дождевиках, платках и облепленных грязью сапогах совсем не походили на молоденьких студенток, скорее, на старых тёток без любви и надежды.

Я сидела у окна, на моём плече дремала Наташа. Пейзаж с полями поражал унынием, мечталось о тёплой ванне с пеной.

– Превратились тут в пугала, – зевнув, сказала Силантьева.

– Да, работа в поле оказалась не самым весёлым занятием, – согласилась я, – и грязным к тому же.

На Наташке были какие-то убитые штаны, заляпанные землёй, жёлтые резиновые сапоги и старенькая курточка,

смахивающая на ватник. Я щеголяла в сапогах красного цвета, широченных шароварах солидного размера и старой оранжевой куртке, сильно напоминающей жилеты дорожных рабочих. Когда-то с соседкой Ленкой мы случайно купили эти куртки и были счастливы, гордо разгуливая в вызывающе оранжевой красоте. Сейчас даже на поле в ней неловко. Правда, все девчонки одеты по-рабочему, Мариша вообще похожа на подростка в розовой вязаной шапочке, зелёных рейтузах и некогда синей курточке, в которой она, наверное, ходила в первый класс. Рукава короткие, и сама куртка тоже. Вдобавок ко всему детское выражение лица и открытый рот – Мариша заработала насморк.

– Приехали, – крикнула Неля с первого сидения. – Там чей-то кавалер прибыл!

Как по команде мы прильнули к окнам.

– Господи, Воронов, – выдохнула Наташа. – А я-то на что похожа!

Парень, стоявший у входа в барак, был хорош – тот самый блондин из Наташкиной делегации в день посвящения в студенты. На нём была роскошная красная куртка с надписью «Ferrari» и чёрные вельветовые джинсы.

– Тебе только до барака добежать, там переоденешься. Давай мы тебя собой прикроем, обступим, так и пройдёшь незамеченной, – предложила я.

– Да что уж теперь, – в лице подруги читалась решимость Жанны д'Арк перед эшафотом.

Наташа царственно вылезала из автобуса, но жёлтый сапог зацепился за кромку ступеньки, и она чуть не упала. Нисколько не смутившись, Силантьева кивнула парню и с важным видом произнесла:

– Серёжа! Привет! Ты откуда взялся?

Тот улыбнулся:

– Соскучился. Приехал повидать. Есть новость.

– Подожди здесь пять минут, мы с поля, сейчас переоденусь, – Наташка рысью припустила в барак, и куда только девалась её усталость?

Мы уныло поплелись следом.

Когда вошли, Наташа была почти одета, оставалось только накраситься, скорость её перевоплощения впечатляла.

– Ты на ужин придёшь?

– Нет, девчонки, не ждите меня, я позже приду, к вечеру.

– А он симпатичный, твой Воронов, просто Ален Делон, – протянула я.

– Заметила, какая у него классная куртка? – Наташка старательно красила правый глаз, даже язык высунула.

– При чём здесь куртка, я про него самого говорю.

– Я как-то уж и не замечаю, привыкла, – Наташка перешла к левому глазу.

– Красота – вот настоящая мужская сила, – вступила Неля.

Едва разувшись, она уже лежала на кровати прямо в ватнике и медленно покачивала ногой в шерстяном, аккуратно

заштопанном на большом пальце, носке.

– Главное, чтоб человек был хороший, – откликнулась я.

У меня тоже не было сил раздеваться, поэтому я скинула только сапоги и куртку, и села на кровать.

– Главное, чтоб не гулял, – перебила меня Неля, рассматривая, хорошо ли заштопан носок. – Ты ревнуешь своего Сергея, девчонки за ним бегают?

– Наверное, я бы ревновала, если бы повод давал. Пока обошлось, – Наташа практически была готова.

– Нет, замуж лучше идти за некрасивого, – Неля закончила осмотр носка и успокоенно растянулась на кровати, теперь она разглядывала что-то на невзрачном потолке барака.

– Моя мама тоже так считает. Но я пока замуж не собираюсь! – Наташка засмеялась, вскочила, кокетливо тряхнула волосами. – Как я вам?

Мы смотрели на неё и не понимали, где же та уставшая колхозница, с которой мы ехали в автобусе десять минут назад? Перед нами стояла красавица с пышной гривой безупречно уложенных волос, горящими тёмными глазами и ладной фигуркой в джинсах и светлой курточке.

– Звезда Силантьева, – протянула изумлённая Неля.

Мы с Фёдоровой согласно закивали.

– Всё, я ушла, – Наташка ракетой метнулась к выходу, а мы остались в бараке, огорошенные её преображением.

Сидя на старой бочке, Сергей Воронов ждал Наташу. Настроение у него было не самое лучшее. Он привык к тому, что последние несколько лет Наташа безотлучно находилась рядом. Сначала это было сплошным счастьем, потом капля за каплей счастье стало испаряться. Они и сами не знали, почему. Видимо, любовь, начавшаяся в четырнадцать лет, неизбежно меняла свой облик к семнадцати, а они сами будто не успевали за ней, у них всё оставалось как прежде, когда самым важным было гулять вместе до позднего вечера и мечтать о будущем. Возможно, они выросли из своего счастья. Сергей отчётливо понимал, что предстоит нелёгкий разговор. Тут появилась Наташа:

– Ну, Серёжка, ты даешь! Никак не ожидала тебя здесь встретить. Видел, какие мы с поля возвращаемся? А ты – как видение, посланец из другого мира, – Наташа любила сюрпризы, это было так романтично.

Она тараторила без перерыва, не обращая внимания на молчание Воронова, ей и самой было, что сказать. – Девчонки тебе очень удивились, ты произвёл на них впечатление! – Она засмеялась счастливым смехом.

Надо было знать Наташу, чтобы понять, как подобное было для неё важно. Она обожала эффектные выходы и неожиданные представления, однако в данной ситуации ей не всё было ясно.

– Воронов, ты что это придумал? Как сюда попал? Я тебя совсем не ждала, ты же должен быть на сборах в Луге? – Си-

лантьева обрушивала на Сергея вопросы один за другим, ей не терпелось узнать, в чём дело.

– Может, мы хотя бы от барака отойдём, съездим в Тосно, погуляем, в кафе посидим? – Сергею не хотелось так быстро переходить к главному, и он пользовался любым предлогом, чтобы отсрочить свою «казнь» – в том, что она неотвратима, Воронов не сомневался.

– Нашёл место для прогулок, тут автобус раз в день ходит, пошли лучше по полям пройдемся, подышишь свежим воздухом, – Наташа не хотела ждать ни минуты и уж тем более отвлекаться на пустяки. – Так что же случилось?

– Просто приехал тебя повидать! – Воронов упрямо не сдавался.

– Да, я помню, ты с этого начал, так я тебе и поверила, – откликнулась Наташа, кивая головой. – Вернее, что соскучился, допускаю, а что приехал не только с этим, вижу по глазам. Что натворил? Сбежал, что ли, из своей Можайки?

– Сбежал.

Силантьева остановилась как вкопанная.

– Ну зачем?! Ты ведь только неприятностей заработал на свою голову! – Наташу раздражало разгильдяйство, ею владел комплекс отличницы и такие подвиги были непонятны. – Всё с детством не простишься, никакой ответственности. Ну и когда теперь возвращаешься?

– Я туда больше не вернусь.

– Как это, не вернёшься?

– Наташа, я не могу учиться в военном училище! Я бросил.

– Бросил?.. Училище?!

– Да, – Сергей держался уверенно и выглядел абсолютно спокойным.

– Как просто и понятно. Надоело, не захотел. Ты ведь там ещё учиться не начал, даже не узнал, каково это, быть курсантом! Как ты мог?! Тебя же сейчас в армию заберут...

– Ну и пусть забирают, лучше два года солдатом промучиться, чем всю жизнь в офицерах ходить. Не моё это, – Сергей опустил голову и говорил глухо, но твёрдо, видно было, что он всё уже решил. – Я в военное училище из-за тебя поступил, мне самому просто в голову бы не пришло. Тебе офицеры нравились, вот я и пошёл туда.

Наташа взорвалась:

– Да что ты говоришь?! Не его это, а что же тогда твоё? Кем ты хочешь быть? И главное, какой своевременный вопрос, раньше нельзя было его себе задать?!

– Не знаю, кем буду, знаю, что военным не хочу.

– Ты всё решил, какой молодец! А со мной почему не посоветовался?

– Потому что это моя жизнь, и я должен был сделать это сам. Достаточно того, что сначала пошёл у тебя на поводу, не надо было.

– Ну да, я к твоей жизни не имею никакого отношения, – Наташка просто кипела.

– Отношение имеешь самое прямое, только я не могу жить по твоей указке.

На Наташу он не смотрел, и это ещё больше её бесило. Самое неприятное, что Воронов был прав, говоря о её любви к военным. Силантьевой всегда нравились офицеры, наверное, от мамы и бабушки передалось. Поступление Сергея в Военный инженерный институт имени А. Ф. Можайского она считала своей личной заслугой. В данном случае важно было то, что он не собирался сдаваться. Значит, она вообще для него ничего не значит. Значит... Слёзы у Наташи полились рекой.

– Ты просто трусил, не выдержал! Ты думаешь, буду тебя жалеть, успокаивать, а потом из армии два года ждать?! Не дождёшься, хватит, надоело, всё надоело, и ты! – больше всего сейчас Силантьевой хотелось «крови»: разборок и бурных обсуждений.

Но Сергей повернулся и пошёл к станции.

Растерянная, Наташка стояла посреди полевой дороги и ревела: в один миг всё стало рушиться, жизнь дала трещину, и что с этим делать, она не знала.

*

Ужин не внёс ничего нового в наше размеренное существование, после еды мы дружно решили полежать.

Моя кровать стояла рядом с Маринкиной. Фёдорова оказалась не такой уж молчаливой, скорее серьёзной, доброй и

очень правильной. Это было неплохо, ведь я тоже была примерной. Я зачем-то полезла в чемодан и наткнулась на фотografiю:

– Смотрите, девчонки, вот моя собака, её зовут Чези, хотя по собачьему паспорту она Чезара. Это мама придумала такое имя итальянское, хотя надо было, наверное, шотландское ей дать, она же колли.

Мариша внимательно рассмотрела фото и вдруг сказала:

– А у меня нет собаки, у меня брат.

Я расхохоталась:

– Ну как же ты можешь сравнивать!? Собака и брат! Старший?

– Младший, – вздохнула Фёдорова. – Я его с пятилетнего возраста воспитываю, но всё безрезультатно.

– Это потому, что поздно воспитывать начали, – Неля подключилась без предисловий и, как всегда, отлично разбиралась в вопросе. – Я Бенджамина Спока читала, он пишет, что ребёнка надо воспитывать с самого рождения.

– Я и говорю, когда Мишка родился, мне уже пять лет было, – Мариша, казалось, искренне не понимала, отчего мы с Нелькой хохочем.

– Так у тебя солидный педагогический опыт, – заметила Зайцева, прибирая разбросанные на кровати вещи.

Она была хозяйственной, наша Неля, и свой статус старосты без нужды не демонстрировала, скорее наоборот, делилась знанием жизни. Правда, о любви никогда не говорила.

– Какой там опыт, – Фёдорова махнула рукой, – родители всё время на работе, я с Мишкой весь день сижу. В школу пошёл – уроки помогаю делать, теперь моя святая обязанность подготовить его к поступлению в институт. Только вот хочу я этого больше, чем он сам, – Маринка вздохнула и улыбнулась своей обаятельной грустной улыбкой.

– Всегда мечтала о старшем брате, – призналась я, – чтобы пройти с ним под руку по школе и показать всем, какой у меня есть защитник.

– Тебя обижали? – нахмурилась Неля.

– Да нет, – замотала я головой, – просто такая детская мечта.

– У меня было целых две таких мечты, причём реализованных – старшие брат и сестра, но я никогда с ними под ручку не ходила, им не до меня было. – Зайцева приступила к штопке очередного носка, делала она это мастерски, иголка так и летала над дырой, и мы с Фёдоровой засмотрелись на её работу. – На собрания родительские ходили, а потом ругали меня, матери жаловались, я всё время проказничала.

– Неля, ты непослушная была? Никогда не поверю, – удивилась я.

– Ещё какая, вот я тебе как-нибудь докажу, – Неля сначала нахмурилась, повернулась к нам и вдруг засмеялась, да так заразительно, что мы тоже не смогли удержаться от смеха.

Мы вообще много смеялись тогда. Наверно, вот так смеяться – свойство исключительно юности, чтобы без повода,

просто потому, что жизнь прекрасна и не особо тяготят заботы и чёрные мысли.

– Интересно, как там Наташка? – у меня из головы не выходил её красавец.

– Всё-таки женщины очень нуждаются во внимании мужчин, – Неля закончила с носком и снова улеглась, закинув ногу на ногу.

– Действительно, стоило ему приехать, как для неё жизнь заиграла новыми красками, да и нам интересно.

– Мне кажется, это и есть счастливая любовь, – Мариша задала важную тему разговора.

– Я в первый раз влюбилась во втором классе, – призналась я. – Мы сидели за одной партой, его звали Алёша Бурмякин. Я – отличница в дурацких очках, он – щуплый двоечник, списывал у меня всё подряд.

– История барышни и хулигана? – Неля привстала с подушки и, подперев голову рукой, приготовилась слушать.

– Нет, первое разочарование в мужчинах.

– Почему? – Мариша была сосредоточенна и серьёзна.

– Да ну вас, это печальная история.

– Начала, так рассказывай.

Я не стала сопротивляться, история первой любви теперь казалась даже забавной:

– Однажды Алёша помог мне нести портфель, и я поняла, что он мне нравится. Это открытие так меня потрясло, что уроки в тот день делать просто не могла, думала о нём весь

вечер, мечтала, написала на бумажке «Алёша, я тебя люблю» и любовалась признанием. Потом в комнату неожиданно вошла мама, и мне пришлось спрятать несчастную записку, так она и потерялась.

– Какая неосторожность, – картинно всплеснула руками Зайцева.

Маринка с укором посмотрела на неё, она слушала очень внимательно и была крайне озабочена.

– На следующий день мы сидели на уроке, Алёша забыл учебник, я великодушно предложила свой, и вдруг из книжки вывалилась та самая записочка. Он схватил её и прочитал.

– И что? – Неля даже села на кровати.

– И всё. Любовь закончилась. Он покрутил пальцем у виска, сказал: «Ты что, дура?» и больше ко мне не подходил. Я страшно обиделась.

– Он просто тебя не любил, – заключила Мариша.

– Ну, во втором классе это простительно... – я не договорила, как вдруг у входа раздался шум, и абсолютно прямая, как натянутая струна, вошла Наташка и опустилась на кровать. Мы с Фёдоровой тут же оказались возле неё, Неля деликатно повернулась на другой бок.

– Что так рано? Мы не ждали тебя, – удивилась я.

Силантьева разрыдалась.

– Что случилось, вы поссорились?

– Всё, не могу больше, каждый раз одно и то же, сил нет, – тяжело всхлипывая, выговаривала по слову подруга.

– Маринка, дай ей водички, – я села рядом с Наташей.

Фёдорова мигом обернулась, подала Наташе стакан воды и испуганно затихла на соседней кровати. Такие бури были ей неведомы.

Излив нам всю историю, Наташка как-то съёжилась, по щекам продолжали скатываться крупные слезы, она выглядела совсем несчастной.

– Когда же закончится эта битва? Он всё делает не так, он вообще меня не понимает. У меня такое чувство, что это война, изматывающая и бесполезная, я всё время его учу, пилю, воспитываю.

Мы все задумались. Я робко заметила:

– Наташа, а может, действительно, нехорошо силой его в училище загонять?..

Наташка вспылила, даже слёзы куда-то пропали:

– Да почему силой?! Мы вместе решили! Я же послушалась его, когда хотела в театральный поступать на актёрское, Сергей был категорически против, ну, и не пошла. Теперь что получается? Ему можно, а мне нельзя? – и она снова зарыдала.

– Наташа, перестань. Дело сейчас в другом. Наверное, всё же неправильно заставлять его что-то делать, счастья это не принесёт ни тебе, ни ему. А про театральный, мне кажется, ты кривишь душой, если бы очень хотела и была в себе уверена, пошла бы поступать, не послушала его ни одной минуты.

Все поняли, что я попала в точку. Наташка насупилась и затихла. Мариша перевела дух, гроза подходила к концу.

– Так чем закончилось?

– Да ничем, повернулся и ушел. Ничего, прибежит ещё хвостом вилять, я его как облупленного знаю.

– А что с учёбой?

– Не знаю и знать не хочу, я ему отомщу, будьте уверены!

– Не надо, – прошептала Маринка, – зачем ты так?

– Силантьева, хватит потопы устраивать, у нас в бараке и без тебя сырость, давайте лучше споем что-нибудь о суровой женской доле, – предложила я, подавая подруге гитару.

Наташа не устояла. Она любила играть и петь, быть в центре внимания, её всегда обступали плотным кольцом благодарные слушатели. Понемногу она начала успокаиваться.

– А что будем петь? – спросила Наташка, перебирая струны. Обычно она с удовольствием начинала песню, но после первого куплета теряла к ней интерес, почему-то ей сразу хотелось петь что-то другое.

– Давайте «Кавалергарды, век недолог...», – вступила Маринка и осеклась, песня была в тему. Но буря уже миновала, мы переглянулись: действительно, странное совпадение.

Мы запели. Как здорово мы пели. Я записывала все эти песни в специальную тетрадку и над словами расставляла аккорды, надеясь когда-нибудь выучить и повторить силантьевский успех, на гитаре я играла плохо. Где эта тетрадь сейчас? Где-то ведь лежит тщательно собранная антология

моего прошлого: «О бедном гусаре замолвите слово», «Призрачно всё в этом мире бушующем...», «Моей любви ты боюсь зря, не так я страшно люблю», «Последний троллейбус»...

С этих песен всё и началось. Приключения, за которыми я поехала в колхоз, никак не приключались, но я не пожалела ни о чём: там я нашла подруг, как оказалось, на всю жизнь.

Последнее, чем запомнилось пребывание в Тосно, было Маринкино воспаление лёгких. Она всё-таки заболела, промокнув в очередной раз на грядке. Отлежавшись и оклемавшись в больнице, Марина приехала к нам снова. Мы стали друг другу необходимы, хотя об этом никто никогда не говорил. Мы просто дружили, и всё.

II

Курс вернулся из колхоза в октябре, началась учёба.

Потихоньку мы изучили наш институт. Он занимал два старинных особняка на Дворцовой набережной. Один из них, угловой, построенный по проекту архитектора Кваренги, выходил фасадом на Кировский мост и площадь Суворова. Екатерина II пожаловала этот дворец фельдмаршалу Салтыкову в качестве награды за воспитание любимого внука Александра I. Во времена Пушкина здесь размещалось Австро-Венгерское посольство, и посол, граф Фикельмон, женатый на дочке фельдмаршала Кутузова Долли, любил устраивать балы в Белом, Малахитовом и Вечернем залах. Послед-

ний бал состоялся во дворце в 1914 году. Всё это исторические факты, но кроме них были ещё легенды, в которых говорилось, например, о том, что на графских балах часто бывал Пушкин, ухаживавший за Долли Фикельмон, а покои графини из «Пиковой дамы» были «списаны» с нашего кабинета библиотековедения. Кабинет и сейчас поражает воображение: обставленный деревянными шкафами ручной работы, он пропитан духом своей эпохи. Кроме кабинета, от блестящего 19-го века нам достались роскошное зеркало, парадная лестница, ведущая в бельэтаж, да пара просторных аудиторий с лепниной и угадывающейся анфиладой за стеной.

Другое здание, ближе к Лебяжьей канавке, построено на месте Оперного дома Растрелли. При скромном внутреннем убранстве в 18-м веке оно выглядело гораздо богаче многих жилых домов, его украшали висячие сады. Правда, уже в 19-м Стасов перестроил дворец, сады убрал и добавил этаж с танцевальным залом. Сейчас в этом корпусе размещается кабинет ректора – по слухам, на месте бывшей спальни дочери графа Бецкого и её мужа герцога Дерибаса, основателя Одессы.

Остальные каморки и обшарпанные аудитории никак не напоминали о блестящем прошлом дворцов, к тому же гардероб постоянно не работал. Мы таскали за собой пальто, путались в этажах, мёрзли от холода и задыхались от духоты.

Корпус на Лебяжьей канавке занимал факультет культпросветработы, а старинный пушкинский особняк был alma

матер библиотекарей. Изредка, пробираясь мимо аудиторий, где пели, играли и танцевали будущие актёры и музыканты, мы прислушивались, иногда даже подсматривали в щёлку, но вообще со студентами-массовиками не пересекались, даже Лена Райзман перестала рассказывать о своих победах, видно, девчонки с КПП повлияли. Порядок, установленный в колхозе, действовал с обеих сторон, никто не стремился его нарушить. Да и желания особого не было, каждый занимался своим делом. Мы – библиотечным.

*

Шла лекция по библиотековедению. Маринка Фёдорова с серьёзным видом писала конспект, Силантьева рисовала женские головки и рассказывала про Воронова, я внимательно её слушала, только мешал нудный лектор.

– Мы познакомились в пионерском лагере, нам было лет по десять, не больше, тогда мы даже не дружили, так, общались время от времени. И вдруг в восьмом классе вспыхнул роман, как у Ромео с Джульеттой!

Наташе было приятно вспоминать, щёки её порозовели, глаза загорелись – ведь это прекрасная история юношеской любви, есть чем гордиться.

– Не забывай, у Шекспира грустный конец, – не удержалась я от злобной реплики, но подруга не обиделась, и даже согласилась:

– Вот и у нас тоже, хотя сначала мне так нравилось! Ходил

за мной по пятам, ревновал, а сколько раз дрался за меня!

– Ты что же, давала повод к ревности?

– Что ты! Я девчонка была, кстати, не самая красивая, подстрижена под Мирей Матье, с дурацкой чёлкой – по-моему, мне не шло совсем, просто не понимаю, что он во мне нашёл? Выбрал в Дульсинеи и шагу одной ступить не давал. Я любила с ребятами пококетничать, не скрою, уж такая родилась, что поделать. А тут тюрьма наступила: к подружке иду – он со мной, в магазин – опять вместе. Сначала смешно было, потом раздражать стало. Я даже перед сном порою грезила: вот придут ко мне его друзья с поникшими головами и скажут: «Погиб Сергей...» Я застыну от горя... и стану свободна!

– Силантьева, ты страшный человек! – воскликнула я, совсем позабыв о лекторе.

– Вовсе нет, просто замучил меня, всё время в напряжении. Говорил, что покончит с собой, если я его брошу.

– Он что, дурак? – возмутилась я.

– Да нет, не дурак, Сережка хороший, просто рано влюбился, или ему это показалось, да и мне его внимание льстило. Мы решили, что любим друг друга, так и дружили последние два года.

– Дружили или любили?

– Дружили, – вздохнула Наташа. – Ну, целовались, конечно. Всё вообще удачно складывалось. И вот этот глупец бросает училище, сразу после поступления!

– Это не смертельно.

– Нет, конечно. Но как быть-то? Не хочу я писать письма в армию и ждать, когда он найдет своё призвание, писем этих у меня и так целый чемодан, писали друг другу при каждом расставании. Что делать, Саша?

– Ты его любишь? – спросила я.

– Уже не знаю. Мы так часто говорили об этом, что потерялся смысл самой любви, да и романтика ушла. А может, и не любовь это была, детство сплошное, мы же ровесники? Мне кажется, надоели друг другу до смерти, но боимся в этом признаться. Хотя я уже призналась, тогда, в колхозе, а он, кажется, услышал, совсем другой стал...

Марина повернулась к нам и зашептала:

– Вы зря не конспектируете, говорят, этого в учебнике нет, хватит болтать.

– Я не могу это писать, сколько можно рассказывать о том, что рассказывала Крупская про то, что рассказывал Ленин, – зашептала я ей в ответ.

– Сашка, ты что, с ума сошла так орать? Говори тише, – включилась Наташка.

– Я тихо говорю, – ответила я.

– Тихо, но пронзительно, на последнем ряду слышно.

Что правда, то правда, мой шёпот всегда был довольно громким, и если бы стояла полная тишина, мне пришлось бы несладко. К счастью, как в любом женском коллективе, охотниц до разговоров в аудитории хватало, всё время стоял

гул, что, впрочем, не особо волновало лектора – ему надо было за академический час рассказать об очередной статье Крупской, и он бубнил, не отвлекаясь на шум.

Надо сказать, что Надежда Константиновна открылась нам в институте с новой для нас стороны. Оказывается, супруга Ленина занималась библиотеками гораздо больше, чем революционной борьбой. В её работах сохранилось множество воспоминаний об отношении Владимира Ильича к книгам, грамотности, избам-читальням. Меня это удивляло: что за судьба – всю жизнь пересказывать то, что сказал Ильич? Собрание сочинений Крупской исчислялось одиннадцатью томами, и мы методично конспектировали статьи, где всё сводилось к тому, что Ленин придавал высокое значение просвещению. Конечно, нам было не привыкать, ещё оставались свежими воспоминания о вступительном экзамене по истории, когда меня попросили перечислить поимённо всех выступавших на последнем Пленуме ЦК КПСС, что, кстати, я сделала без запинки.

Стараясь говорить как можно тише, я спросила Наташу:

– А что Сергей обо всём этом думает?

– Не знаю. Всё изменилось. Мы стали меньше видаться после моего поступления в институт. Когда в школе учились, неразлучны были, по домам только спать ходили, а теперь вдруг поняли, что можно и по отдельности существовать. Он сейчас на кафедре в Политехе работает, его мама пристроила. Мне кажется, ему понравилась жизнь без меня. Я раньше

его всё время изменить старалась: не так встал, не то сказал, ворчала круглосуточно, кому это может быть приятно?

– Но ведь терпел же? – удивлялась я.

– А теперь, может, самооценка повысилась, или встретил кого, – отрезала Силантьева. – Девчонки в школе завидовали мне, такой красавец у моих ног, нас заочно давно поженили, даже мама считала это делом решённым.

– А ты?

– Я очень хотела выйти замуж. Первая в классе свадьба! Здорово же!

– А он?

– Клялся, что жить без меня не может, что, как только восемнадцать исполнится, сразу поженимся, осталось год подождать – мне восемнадцать лет в августе будет. Серега старше на три месяца, но теперь вместо свадьбы в армию загремит.

– Радостная перспектива, – прошептала я.

– Куда уж лучше! Идиот, сам виноват.

Тут снова раздался голос Фёдоровой:

– Девчонки, через пять минут конец, вы в столовую идёте?

Собирайтесь тогда.

– Ой, точно, – подскочила Наташа, на время забыв и про свадьбу, и про будущую мобилизацию. – Давайте скорее, а то опять не успеем.

Столовая наша как-то не тянула на статус институтской, больше походила на школьную, да и мы сами напоминали бегущих сломя голову учеников. Ворвавшись в зал, мы увидели очередь, растянувшуюся вдоль прилавка, и погрузнели.

– Не успеем, – вздохнула я.

– Ничего, давайте постоим, – твёрдо сказала Наташа.

Она борец, сдаваться не в её характере, это Марина могла уйти, Наташка – никогда. Мы встали в очередь.

Особым разнообразием ассортимент блюд не отличался: капустный салат довольно жухлого вида, названный почему-то «Витаминным», булочки, сосиски. Есть хотелось, и мы особо не привередничали.

Как следовало ожидать, простояв в очереди весь перерыв, мы не успевали даже выпить чай, а булочку пришлось есть на бегу, по дороге на пару. Так повторялось каждый раз. Первый месяц учёбы вообще запомнился постоянной гонкой: мы всё время торопились на занятия – перерывы небольшие, аудиторию найти непросто. Бывало, подолгу бродили по верхним этажам, пытаясь отыскать нужный класс. Что и говорить, особняк Долли Фикельмон не всегда был приветлив с нами.

*

Следующей парой была медицина. Этот страшный предмет вошёл в нашу жизнь с первых дней занятий, чего мы никак не ожидали. Нас готовили в медицинские сёстры граж-

данской обороны, медицина значилась в обязательных предметах – изучение болезней и анатомии человека стало для нас обычным делом.

Облачённые в белые халаты девчонки строчили под диктовку преподавателя очередное описание болезни.

– Просто не понимаю, зачем так подробно давать симптомы, – шептала Наташка, переворачивая страницу толстой тетрадки.

Я усмехнулась:

– Чтобы ты правильно определила болезнь. Хороший диагност в медицине очень важен, вот Пирогова за это ценили.

– Но я ведь не врач! В лучшем случае, скромная медицинская сестра, – пожала плечами Силантьева.

– Я читала, на фронте многие медсёстры раненых сами лечили, врачей не хватало, – Мариша мало разговаривала во время занятий, но тут не удержалась.

– Интересно, как ты будешь заменять врача после ядерного взрыва, мы же сёстры гражданской обороны, чувствуешь разницу? – я снова говорила, громче, чем следовало, голос у меня был мало приспособлен к шёпоту.

– Тише ты, сейчас пропустим самое главное, потом вообще ничего не поймём, – Наташа кивнула на тетрадку.

Я же не могла смириться с неотвратимым и продолжала бурчать:

– У меня мама мечтала врачом быть, а я как-то не видела себя в этой профессии. И слова-то какие нерусские – «кза-

ди», «кпреди» – кто-нибудь так говорит?

– Медики так говорят, пиши лучше, – Маринка застрочила дальше, и мы больше не прерывались.

Когда занятие закончилось, наши головы напоминали аквариум – кругом вода и маленькие крупицы знаний в виде золотых рыбок, но воды так много, что она грозила политься через край. Слава Богу, до экзамена ещё далеко, можно пока об этом не думать. Эту милую уловку Скарлетт О’Хары из «Унесённых ветром» я давно взяла на вооружение. «Подумаю об этом позже», – говорила она, вот и я старалась следовать её правилу.

*

После нелёгкого дня мы решили развеяться и пройтись до Невского проспекта. Местоположение нашего института способствовало таким прогулкам, всего-то и оставалось обойти Марсово поле. Можно было пересечь его напрямик, но мимо Вечного огня идти сейчас не хотелось. Отправились в обход, по улице Халтурина, вдоль здания Ленэнерго, дальше через Конюшенную площадь, там несколько минут по Желябова, и вот он – Невский.

– Ну что, в «Минутку»? – Наташка любила поесть, да и булочка в институте была не слишком сытной.

– Давай, – откликнулась я.

Маринка промолчала, но пошла за нами. Мы уже привыкли к её спокойной реакции на всё, что вызывало у нас бу-

рю восторга или возмущения. Вот и сейчас мимо проплыли роскошные сапожки вместе с нашей однокурсницей Марианной, мы с Силантьевой переглянулись, а Фёдорова невозмутимо прошла мимо.

– Марина, ты заметила?

– Что?

– Марианна в новых сапогах рассекает.

– Да? Нет, не видела.

– Классные сапожки, наверное, португальские, – Наташка вздохнула.

Хорошо одеваться в эпоху социализма было непросто. Достать что-то импортное удавалось с большим трудом, в ателье тоже было нелегко попасть. У мамы была знакомая портниха Шурочка, но очень необязательная, годами могла держать ткань, а потом вернуть, ссылаясь на занятость. Марианна Антипова этой проблемы не знала, частенько хвасталась новыми шмотками, к тому же у неё самой была отличная фигурка, симпатичное личико. Правда, умом не блистала, ну, так она не в университете училась – в институте культуры.

– Мне так нужны новые сапоги! – взмолилась Силантьева.

✱

«Минутка» – замечательная пирожковая на углу Невского и улицы Желябова, недорого и вкусно, только народу много.

Мы заняли, как нам показалось, самую короткую очередь, человек пять. Перед нами стояли супруги: он вещал наста-

вительным тоном, она кивала головой и соглашалась. Пахло свежими плюшками, есть захотелось мгновенно, а выбрать было из чего: жареные пирожки с мясом, выпечные с капустой, выпечные с яблоками, ватрушки с творогом, с джемом, запечённое яйцо в тесте – хит «Минутки», просто глаза разбегались. Бедные студенты сюда часто заходили – кофе за двадцать две копейки из большого бойлера и пара пирожков мгновенно утоляли голод. Можно было взять чай за три копейки или бульон за шесть – стипендия в сорок рублей позволяла наесться до отвала.

Очередь двигалась быстро, перед нами уже рассчитывались, женщина взяла пирожки, а мужчина пошёл наливать чай в центр зала. Вдруг пирожковая огласилась его криком:

– Ой, Люсь, горячо! – это он взялся за граненые стаканы, в которые налил кипятка, но поднять не смог.

Люся тут же откликнулась:

– Сейчас, сейчас... – с пирожками в руках она ринулась на помощь мужу, сунула ему в руки тарелку, спокойно взяла стаканы и понесла к свободному столику, а мужчина поплёлся следом.

Мы с интересом наблюдали эту сцену, даже Марина обратила на неё внимание.

– Вот здорово, слышали? «Сейчас, сейчас!», – Наташка засмеялась.

– Давай бери, наша очередь, – сказала я, тоже улыбаясь. – Она героическая женщина, смотри, и ты не обожгись.

Мы расположились за столиком недалеко от Люси и её мужа. Те, как ни в чём не бывало, ели пирожки и пили поостывший чай.

– Интересно получается, только минуту назад он её воспитывал, а потом вдруг так легко расписался в собственном бессилии, – я искренне удивлялась такому повороту событий.

– Она его любит и заботится, раз так быстро бросилась на помощь, – заметила Мариша, выбирая пирожок с яблоками.

– Какая это любовь, это просто себя не уважать! – я откусила жареный пирожок с мясом и пожалела, что взяла один, было очень вкусно.

– Может, ей нравится быть ему матерью? – Наташка ела яйцо в тесте, что было непросто, ей приходилось широко открывать рот.

– Тебе тоже нравится из Воронова человека делать.

– Ничего подобного, это, скорее, он пытается лишить меня свободы, хотя... – Силантьева задумалась и перестала есть. – Не скрою, люблю, когда меня слушаются, но не хотела бы мужа, как этот... слабак, – она кивнула на соседний столик. – Я хорошо представляю себе парня, с которым могла бы быть счастлива. Мне кажется, если встречу, сразу узнаю.

– А если ошибёшься? Разве можно сходу распознать в незнакомом человеке свою судьбу? – спросила я.

– Почему нет? Ведь есть же идеал, к которому хочется стремиться, остальное – дело техники.

– Стоп-стоп, – я даже отложила пирожок, такой интересной была для меня тема, – то есть, ты каждый раз будешь сверяться с эталоном, ставить плюсы, если найдёшь сходство, и минусы, если не подходит?

Маринка так и застыла с пирожком в руке, потом пробормотала:

– Что же это за любовь получится?

– Не задавайте мне глупых вопросов! И, кстати, не смейтесь, – последняя фраза Наташки предназначалась мне, я не могла удержаться от смеха.

– Поймите, – продолжала Наташка, – каждая романтическая история имеет под собой крепкий реалистический фундамент, к тому же у меня есть секрет, который никогда не подведёт.

– Может, поделишься?

– Пока нет, вы ещё не созрели, когда придёт время, расскажу, – Силантьева перестала размышлять об идеальном мужчине, к ней вернулась способность жевать, и вскоре с яйцом было покончено.

Мы тоже занялись едой.

Из пирожковой выходили почти одновременно с Люсей и её мужем, она держала его под руку и что-то быстро говорила.

– Девчонки, мне домой надо, – забеспокоилась Мариша, как только мы оказались на улице, – Мишка ждёт.

Пора было расставаться. Марина жила в Пушкине. Её

отец работал водителем пожарной машины, мама трудилась администратором в гостинице, они редко выбирались в Ленинград. Фёдорова готовила обед, убирала квартиру, возилась с братом и не считала это геройством. К тому же, работая посменно, родители часто спали днём, будить их категорически запрещалось. Маринка ездила на занятия и не переживала, что далеко, электричка стала для неё вторым домом.

Мы распрощались и направились с Наташей в метро на Кировско-Выборгскую линию – и я, и она жили на Гражданке.

– Кстати, у нас скоро вечер будет, с курсантами, – вспомнила Наташка, когда удалось втиснуться в вагон: начался час пик, народу набилось сверх всякой меры. – Ты пойдёшь?

– Не знаю.

Я была в растерянности. Конечно, пойти хотелось, но как с моим весом и очками конкурировать с девчонками? Хотя очки у меня всегда самые лучшие: мамин знакомый Семён Семёнович из «Оптики» на улице Восстания продавал из-под полы очень модные оправы, я с удовольствием пользовалась этим блатом. Очки были хороши, но лучше бы их не было вовсе.

На школьных дискотеках я была заводилой! Но здесь... совершенно незнакомые курсанты наверняка предпочтут пригласить на танец хорошенькую Антипову или стройную Владимирскую.

– Маринка, наверное, не пойдёт, – заметила Наташа, – ей

вечером домой трудно добираться.

– Ты сама-то идёшь? – спросила я.

– Конечно, иду, это будет моей мезтью Воронову, к тому же хороший повод проверить свои силы.

Действительность нашего «женского» вуза была такова, что девчонки нуждались в мужском обществе, а оно практически отсутствовало. Ну разве можно было всерьёз воспринимать нашего бледного Вадика, который почти не разговаривал с нами? Что же оставалось? Военные училища. Студентки-библиотекари быстро стали специалистками в следующих вопросах: в каком училище танцы по билетам, куда пускают только по приглашениям, где хорошая музыка и не слишком суровые правила. Всё было изучено досконально. Первенствовала Анна Владимирская – звезда морковной грядки. Она проявила неожиданную прыть, и все поняли: Владимирская поставила перед собой цель выйти замуж за военного. Сомневаться в успехе задуманного не приходилось: она симпатичная блондинка, рассудительная, хозяйственная, неглупая, потенциально идеальная подруга командира. Трудности Аню не пугали, отдалённый военный городок её вполне устраивал, так же, как и зарплата будущего супруга. Чья-то участь была предрешена.

Вечер, который мы обсуждали, считался целевым. Мы встречались группами, такая практика тоже существовала: наша 114-я приглашала в гости курсантов-первокурсников из Высшего военно-инженерного училища имени Комаров-

ского. По-моему, здесь не обошлось без Анны, реализация её матримониальных планов началась. Я вздохнула: отступать некуда, придётся идти. «Хорошо, что ещё не скоро, в пятницу, а сегодня понедельник, правда, вряд ли что-то изменится за эти дни. За неделю не похудеть», – подумалось мне. И рецепт Скарлетт что-то не помогал, из головы будущий вечер никак не шёл.

*

Танцы проходили в общежитии института на Чёрной речке. Нам предоставили комнату отдыха, куда потихоньку стали собираться девчонки. Те, что жили в общежитии, не торопились, они могли дожидаться начала в своих комнатах и спуститься в последний момент. Мы с Силантьевой сидели у Зайцевой. Маринка не пошла, не отпускали семейные дела. Я же в первый раз в жизни пришла в общежитие, было интересно посмотреть на быт самостоятельных девушек. Не могу сказать, что мне понравилось – четыре человека в комнате, старорежимные пружинные кровати, подобие уюта в виде занавесок на окнах и лампы под абажуром...

Мне показалось, что Неля шла на вечер с теми же чувствами, что и я. Оно и понятно, ей ещё хуже, полнота усугублялась возрастом – Зайцева старше приглашённых кавалеров, вряд ли это не расстраивало её, хотя вида Нелька не подавала. Мы немного посидели у девчонок, а потом отправились на первый этаж в комнату отдыха. Кавалеры уже прибыли.

*

Никакого особенного впечатления курсанты на меня не произвели. Было только странно наблюдать, как парни в военной форме танцуют современные танцы, куда органичнее смотрелся бы, например, вальс, но никак не диско. Что-то в этом было неправильное. В остальном всё, как обычно – кружок танцующих девчонок, толпящиеся у стены юноши, медленный белый танец.

Мы стояли с Нелей Зайцевой и, как нам казалось, неприуждённо болтали, а у меня из головы не выходил фильм «Девчата», Тося Кислицина с безымянной девушкой у стенки в клубе. Только я и Нелька по комплекции были гораздо мощнее. Силантьева куда-то испарилась, а когда появилась, выглядела очень довольной:

– Смотри, вон тот высокий парень – Алик.

– Видела, он тебя пригласил.

– Ну да, пригласил, правда, я провела подготовительную работу, – Наташка приплясывала.

– Как это, подготовительную работу? – удивилась я.

– А так. Попробуй, найди парня, который бы сразу наповал был очарован твоей красотой и тут же кинулся знакомиться? Это только в книжках бывает. На самом деле всё не просто и достигается путём кропотливой работы.

– Господи, я не знала. Это как?

– Сначала ты выбираешь объект...

– Ага, выбираешь объект и начинаешь стрельбу глазами,
– догадалась я.

– Ты, Саша, не смейся, это серьёзно. Конечно, глазки строить уже не современно, но визуальный контакт установить желательно. Можно чуть улыбнуться, мимо пройти, уронить что-нибудь в этот момент... глядишь, что и получится. Моя подруга Любка уже год ходит на танцы в военные училища. В этой науке она постигла всё и, кстати, пользуется большим успехом. Лучше всего, конечно, идти туда, где есть знакомые курсанты – у них всегда друзья найдутся, познакомят. Любка так и делала, у стенки никогда не стояла.

– Ну, это понятно, но сегодня-то мы никого не знаем, в гляделки играть уже поздно, вон толчея какая, – протянула я.

– Почему это мы никого не знаем? Видишь, Владимирская с парнем стоит, она меня с ним познакомила, – Наташа указала на тощего рыжего парня.

– Страшненький какой.

– Ничего, у Аньки свои задачи, у нас свои. Это комсорт группы, пока мы с ним стояли, его друг Алик подошел, соображаешь?

– Шикарная комбинация, – согласилась я.

Высокий парень Алик вдруг возник возле нас и снова пригласил Наташу. Подруга упорхнула танцевать.

– Пойду в туалет, – решила я, – куда ещё идти приличной девушке во время медленного танца, когда её не пригласили?

Я направилась к выходу, но у дверей расположились курсанты, которые не танцевали, а наблюдали за происходящим и, по-видимому, обсуждали танцующих. Пройти было невозможно, пришлось коснуться молодого человека, стоявшего ко мне спиной, и церемонно произнести:

– Разрешите.

Он обернулся, но видно, не понял моей вежливой просьбы, подумал, что я его приглашаю. Было неловко объяснять, что он ошибся, и через несколько секунд мы уже танцевали. Я смогла поближе разглядеть неожиданного кавалера – вытянутое лицо, маленькие, близко посаженные глазки и нелепый хохолок на голове, – просто брат-близнец того парня из фильма «Добро пожаловать, или посторонним вход воспрещён», который всё время спрашивает: «А чего это вы тут делаете, а?»

– Тебя как зовут?

– Александра, а вас?

– Толик. Что ты мне выкаешь, давай сразу на «ты»! Ты тоже библиотекарь? – Толик улыбался и пытался быть галантным.

– Пока ещё нет, учусь на библиотечном факультете, специальность «Библиотекарь-библиограф художественной литературы и литературы по искусству».

– Понятно, – Толик нахмурил серые бровки, наметившиеся над глазами.

– А вы, то есть ты, к каким войскам относишься?

– Мы-то? Мы строители. Но сейчас больше общеобразовательной занимаемся да физподготовкой. До специальных дисциплин ещё не дошло. Вот шинели нам выдали нового образца потрясающие. Правда, пришлось кое-чего подшить, но теперь юбочка у меня божественная!

Новость о «юбочке» меня огорошила, я не знала, как донести её, не расплескав, до подруги, и была счастлива окончанию танца. Толик кивнул мне и исчез, а я пулей полетела к Наташке...

Когда вечер закончился, у меня было двойственное чувство. Нельзя сказать, что курсанты мне совсем не понравились. Рыжий не в счёт – Владимирская уже держала его в своих цепких ручках, Толика я сразу вынесла за скобки, а вот Алик смотрелся вполне респектабельно, несколько раз приглашал Силантьеву, но телефона, правда, так и не спросил. И, несмотря ни на что, мне было приятно, что я танцевала медленный танец. Только почему-то всё равно для себя решила, что в военное училище на танцы не хочу, совсем. Так ни разу в жизни и не сходила.

*

Я пришла домой. Чези с лаем соскочила с дивана и бросилась меня встречать. Собаки – удивительные существа: хозяйка дома – и вот оно, счастье! Преданная Чезара была к тому же красавицей, на нас всегда обращали внимание на прогулке. Её длинная рыжая шерсть, белоснежный воротник

и великолепные меховые «штаны», которые мы с мамой попеременно вычёсывали, производили на прохожих неизгладимое впечатление. Вот и сейчас, выглянув из комнаты, мама держала в руках собачью расчёску.

Мама по профессии филолог, знает удивительные языки: сербский, хорватский, словенский и чешский. Это был первый выпуск сербской группы филологического факультета Ленинградского государственного университета имени Жданова. Всю жизнь мама мечтала о Югославии, но лишь один раз ей посчастливилось там побывать и воспользоваться блестящим знанием языков. Ну что ж, хоть один раз повезло, и этот шанс мог никогда не представиться. В Ленинграде на сербском не поговоришь, ну разве перевод письменный подвернётся... В нашей семье живёт байка о том, как мама по винтику разобрала огромный грузовик «Tatra», когда переводила его техническое описание. Потом она неделями сидела и печатала этот перевод на пишущей машинке «Москва», я чётко помню эти звуки детства.

Мне всегда казалось, что мама себя недооценивает. Или это обстоятельства складывались не в её пользу? Ну сколько всего интересного можно было сделать с её талантами! А она? Работает на заводе инженером-патентоведом, не слишком любит свою работу. Наверное, я бы так не смогла. А впрочем, скоро узнаем, какой из меня библиотекарь.

Мама попала на завод случайно, хотя мой дед был его директором. Позже получила второе, высшее техническое об-

разование, но профиль работы не поменяла – тогда ведь связями с руководством кичиться было не принято, поэтому о лучшей должности хлопотать не приходило в голову. А, может, ей это было не нужно? Она много времени проводила со мной, я никогда не чувствовала себя обделённой её вниманием. А если б она была руководителем? Кто бы тогда читал мне вслух бесконечные сказки, водил в театры и в кино?

– Как прошёл вечер? – мама смотрела телевизор, но мои новости интересовали её гораздо больше, поэтому она без сожаления его выключила и поспешила ко мне.

– Вообще-то нормально, хотя я бы не сказала, что было весело.

– Тебя приглашали?

– Да, приглашали.

Мы с мамой подруги, но на её вопросы о курсантах я никогда бы не стала отвечать в подробностях, да и глупо было хвастаться нечаянными победами.

Я не делила свой мир ни с кем, даже с мамой. Правда, в последнее время стала больше доверять подругам, особенно Наташке. Она сама любила поговорить на такие темы, всё разобрать по косточкам, а мама никогда не стремилась обсуждать мою жизнь, да и про себя рассказывала скупое. Она человек суровый, наверное, потому что пережила блокаду, потеряла мать, воспитывалась у тёти – мой дедушка, которого я иначе не называла, на самом деле приходился ей дядей. Во всяком случае, мои родные и я сдержанны на ласку, но

это, конечно, не значит, что нам не знакома любовь. Просто внешних проявлений не много, да и к чему они, когда и так всё ясно. Поцелуи перед сном и при встрече всегда казались мне фальшивыми, гораздо ценнее мамино мнение на тот или иной счёт. Спорим часто, бывает, даже, ругаемся, но как-то всегда выходит так, что мама права, и видимо, поэтому мне не приходит в голову её не слушаться. Какое-то детское слово – «слушаться», но факт очевиден, я – послушная дочь.

– Южин опять нашу премию делил, мне двадцатку дал, а Брыкаловой двадцать пять рублей. Она в последнее время ему удачно кофе готовит, с пенкой, – мама поделилась последними вестями с работы.

Южин был начальником патентного отдела, я его терпеть не могла.

– Это вкусно, с пенкой? – удивилась я.

– Он любит. Для этого надо добавлять холодной воды и долго мешать. Вот Брыкалова и мешает без устали.

– Мама, надеюсь, ты этим позорным делом не занимаешься?

– Нет, не занимаюсь, поэтому у меня и премия меньше, хотя дело к пенсии идёт, каждая копейка в зачёт...

– Ну и ладно. Обойдёмся. Делать вам всем нечего, что ли? Папа пришёл?

– Он уже спит давно, – мама вернулась к телевизору.

Папа – заместитель главного металлурга, вся жизнь на заводе, дома только поздно вечером, завод не близко, в про-

тивоположном конце города. Когда приходит домой, сразу ложится спать. Мы вообще с ним редко общаемся, он у нас одиночка, любит быть в компании с самим собой. Я тоже с шестого класса привыкла быть дома одна: родители на работе, я сама себе хозяйка. Мне это даже нравилось. Наверное, в папу пошла, почему нет? Мы с ним и внешне похожи. Вот только не имею привычки есть ночью, слава богу, иначе мой размер был бы ещё больше. А папочка любит побывать на кухне часа в три ночи, при этом совсем не толст, даже подтянут. Мужчинам всё-таки легче жить на свете.

*

Мы с девчонками стояли на остановке у института, ждали автобус, чтобы ехать на Чёрную речку, на урок физкультуры. Автобуса не было, взгляд то и дело упирался в памятник Суворову и Марсу в одном лице. Мне всегда хотелось разглядеть его поближе, но он безнадежно окружён потоком машин, даже из автобуса это сделать затруднительно. Конечно, двести лет назад скульптор Козловский не предполагал такого движения. За два века каменный Суворов повидал всякое, и автомобили – ещё не самое страшное зло, богу войны это хорошо известно.

Мариша замерзала, не спасала даже розовая вязаная шапочка, которую она героически носила, как все правильные девочки. Мы с Наташкой шапок не надевали, поэтому нам было совсем плохо.

– Если автобус не придёт через пять минут, я умру, меня просто сдует в Неву, – пожаловалась я подругам.

– Мне кажется, даже если автобус придёт через пять минут, ты всё равно в него не влезешь, приготовься к худшему, – Наташка была не в духе.

– В этом году такая осень холодная, – Маринка всегда соблюдала нейтралитет и не встревала в наши споры.

В двух зданиях института нашлось места для спортивного зала. Возможно, руководство вуза боялось, что занятия физкультурой плохо скажутся на состоянии исторических памятников, поэтому спорткомплекс располагался при общежитии. Ездить туда два раза в неделю было мукой.

– Я вообще не понимаю радости физического воспитания. Приезжаем, переодеваемся, тащимся на Каменный остров. Делаем вид, что бежим минут пятнадцать, а потом всё то же самое в обратной последовательности, – Наташа искренне негодовала.

– Но ведь пятнадцать минут ты честно занимаешься спортом, укрепляешь здоровье, получаешь заряд энергии, а преподаватели получают зарплату, – я попыталась упрятать голову в меховой воротник, чтобы хоть немного согреться, но напрасно.

– Здоровье портится из-за постоянной потери нервных клеток в транспорте, – Наташка сегодня определенно была не в духе, – поэтому вся физкультура впустую.

Из-за зрения я ходила в ослабленную группу, мытарства

на свежем воздухе меня миновали. По сравнению с основной группой, наша зарядка в зале – сказка, но добраться до Чёрной речки в час пик всё равно подвиг.

– Девчонки, автобус!

– Маринка, тебя надо освободить от занятий, ты в первый раз заметила что-то самостоятельно, – Наташка продолжала злиться на весь мир и вредничать.

– Да ладно, смотрите, влезаем, – Маринка ко всему относилась по-доброму, даже к ехидству подруги.

– Это счастье, – обратилась я ко всем на остановке, и мы стали втискиваться в автобус.

Внутри было тепло. Я начала потихоньку согреваться.

– Мариша, ты ещё не знаешь, мы вчера с Наташкой в театр ходили, на премьеру. Билеты случайно достались – маме на работе предложили. Спектакль «Станция» по Назыму Хикмету, Боярский играл пленного турка Османа.

Маринка удивилась:

– Турка? Вот не ожидала, и как?

– Здорово. Наташа, подтверди.

Наташка закивала:

– Мне понравилось, хоть и про революцию.

Я горячо поддержала Силантьеву, и для этого была веская причина.

Вот уже несколько лет я была влюблена. Вакуум в моей душе заполнился этой любовью, наверное, оттого меня и миновали любовные переживания в отношении сверстников. Я

любила актёра Михаила Боярского. Удивительно то, что я была абсолютно счастлива в этой своей привязанности, Боярский мне нравился как мужчина и артист – такой красивый, романтичный, модный. Тем более закономерно фиаско Толика на вечере с курсантами: по сравнению с Боярским, у него вообще не было шансов.

– После спектакля зал хлопал минут пятнадцать, никто не уходил, цветами просто завалили, хотя мне всегда неловко от этих безумных поклонниц. Я точно на такое неспособна, один раз его на улице встретила, но так и не подошла...

– Да что ты? – Наташка проявила неожиданный интерес.

– Случайно. На Невском, у кинотеатра «Октябрь». Он быстро шёл в длинном чёрном плаще и шляпе, потом свернул в подворотню дома 82, с тех пор я с каким-то особым чувством прохожу мимо этого двора.

– А ты не проследила, в какой подъезд он пошёл, в какую квартиру? – любопытство не на шутку овладело подругой.

– Мне и в голову не пришло искать квартиру. Я просто была счастлива, что увидела его вот так, на улице. В жизни не то, что на сцене. Представляете, иду за ним, и вдруг понимаю – это Боярский!

Я ходила на все спектакли с его участием в театре Ленсовета: «Интервью в Буэнос-Айресе», «Люди и страсти», «Дульсинея Тобосская». И я не могла открыто признаться, что моё увлечение театром – лекарство от несчастной любви, которое я сама себе назначила, причём постоянно увели-

чивала дозу.

– Театралки, приехали, пора выходить, – Маринка была более приземлённой в своих пристрастиях и не пропустила бы остановку даже ради искусства.

*

Мы выбрались из автобуса и не спеша направились к спорткомплексу. Вдруг Силантьева напряглась, уставившись куда-то вдаль. Я проследила за её взглядом. Парень с девушкой шли под руку и оживлённо болтали. Спина молодого человека показалась мне знакомой, даже не спина, а яркая красная куртка – явно не по погоде, слишком лёгкая, надпись «Ferrari», светлые волосы, черные вельветовые джинсы. Я с беспокойством взглянула на Силантьеву. Вдруг парень повернулся к своей спутнице – без сомнения, это был Сергей Воронов.

Наташа остановилась, как пантера перед прыжком, будто копила силы. Меня поразило непроницаемое выражение её лица. Фёдорова, которая ничего этого не видела, сильно удивилась, обнаружив, что мы замешкались.

– Девчонки, поторапливайтесь, времени совсем не осталось, – начала было Мариша и замолчала, взглянув на Наташу.

Раздавшийся в ответ голос Силантьевой было не узнать, он стал металлическим:

– Вы идите, а то опоздаете. Я тут быстренько разберусь и

позже подойду. Маринка, предупреди физрука.

– Наташа, может нам тебя подождать? Или вместе пойдём, хочешь?

Силантьева отрицательно мотнула головой и через секунду рванула с места. В два прыжка она достигла цели, ловко подхватив под свободную руку ни о чём не подозревавшего Воронова. Так они и остановились: девушка по левую руку от Сергея и Наташка по правую.

– Марина, ты поняла, кого мы встретили? – спросила я Фёдорову. – Представляешь, что сейчас будет?

– Я боюсь за него, Саша, – прошептала Мариша.

– О чём ты? – возмутилась я. – Лучше о подруге подумай! И вообще, пойдём-ка на физкультуру. Пусть сами разбираются, мы здесь не помощники, только не забудь, предупреди, что Наташа опоздает.

Маринка удручённо кивнула, мы разошлись по группам.

*

– Привет, Серёжа! Не ожидала тебя здесь встретить. Гуляешь? – Наташа улыбалась что есть мочи, но яд сочился из каждого слова, при этом соперницу она в упор не замечала.

Воронов был ошеломлён, раздавлен, он застыл по стойке смирно и не мог вымолвить ни слова.

– Серёжа, это, наверное, Наталья? – спутница Воронова мило улыбалась Силантьевой, но та смотрела исключительно на Сергея.

Он по-прежнему молчал. Пауза затягивалась.

– Меня зовут Лена, я лаборантка с кафедры политехнического института, вместе работаем, – девушка старалась, как могла. – Серёжа мне о вас много рассказывал...

Наташа чуть кивнула, а Воронов, собравшись с духом, произнёс:

– Да.

– Рада, что ты обрёл дар речи, а то я думала, паралич. Поздравляю, обошлось, – Силантьева по-прежнему обращалась только к Воронову. – Жаль только, сказать тебе нечего, – она медленно повернулась и пошла по мосту, Сергей бросился за ней:

– Наташа, подожди, ты не так поняла, это не то, постой, я всё объясню...

Но сцена была слишком эффектной, чтобы суетиться и портить её ненужными разбирательствами, надо было уходить по-королевски, без слов, Силантьева даже обрадовалась такой удаче – Воронов, без сомнения, оценит роскошную мизансцену. И он оценил, замолчал и остановился, бомба не взорвалась, хотя могла в любую секунду. А может, это уже случилось раньше, незаметно для обоих?

*

Когда мы встретились после физкультуры, на Наташу было больно смотреть – взмыленная лошадь, да и только.

– Мы бежали кросс, сегодня не мой день, – вздохнула она

как-то совсем грустно.

– Добежали?

– Не все, к нам ещё курсанты какие-то пристроились, так я сначала подумала, очень даже неплохо, что мы на Каменном острове занимаемся. Какая же я была дура!

– Почему? – я поразилась неожиданной самокритике.

– Не знаю мужчин, интересующихся потными женщинами.

– Фу, – поморщилась я и не утерпела, – ты лучше о Воронове рассказывай.

– Да нечего особо, драки не было. Замер, как ошпаренный, девица сказала, что с ним работает, а я ушла.

– И всё?

– И всё.

– Ты разве не хотела крови?

– Хотела сначала, а потом передумала. – Наташа была внешне спокойна, но в глазах блестели слёзы.

– У меня всегда так, как подумаю о чём-нибудь, обязательно случается. Что за невезение!

– Ты про что?

– Да про бабу эту, с Вороновым. Врагу не пожелаю такой судьбы, бросил меня, ты представляешь, из-за этой кикиморы! Ради какой-то лаборантки... ты её видела? Я толком не рассмотрела, вроде блондинка?

– Не помню, – отмахнулась я, – какое это имеет значение? И почему так быстро выводы делаешь, может, всё не так, он

же не сказал тебе, что любит другую?

– И не скажет никогда, я не позволю. Я с ним больше вообще не увижусь и не заговорю, это решено.

По Наташкиным глазам я поняла, что она не шутит.

– Не пори горячку, нельзя вот так всё рвать без объяснений, вспомни Шекспира, Ромео с Джульеттой! Им тоже не удалось поговорить, а что получилось?

– Да бог с ними, – Наташка беспечно махнула рукой, слёзы высохли, план разрыва созрел в её голове окончательно и всё больше ей нравился.

– Может, это хорошо, что так получилось, сами бы ещё долго друг с другом разбирались. Понимаешь, просто физически не могу быть брошенной, первый шаг к разрыву могу сделать только я, иначе уважать себя перестану.

– Наташка, это гордыня. Маринка бы тебя не поняла. А где же она?

– В Пушкин поехала, сегодня у них построение, иначе говоря, уборка квартиры, завтра у мамы день рождения.

Силантьева повернулась спиной, разговор о Воронове был окончен.

– Мне надо срочно позвонить бабушке, она ждёт меня, кстати, и тебя приглашала.

*

Наташкина бабушка жила неподалёку, мы к ней иногда заходили после занятий на Чёрной речке. Дочь и внучка бы-

ли очень на неё похожи, просто одно лицо.

Надежда Филипповна показалась мне удивительным человеком ещё на дне посвящения в студенты. Она выглядела на редкость молодожаво, отличалась бескомпромиссной твёрдостью в суждениях, активной жизненной позицией и простотой в общении. Полутонов для неё не существовало. Если враг, то навсегда, если пошёл супротив воли – к гробу не подходи; все родственники с ней считались. Надежде Филипповне требовалось всё время звонить, докладывать об обстановке, причём делали это беспрекословно и Наташа, и её мама. По сути, бабушка была доброй и, конечно, души не чаяла в дочери и внучке. Ей просто хотелось быть нужной, и, возможно, таким образом она боролась с одиночеством. Во всяком случае, я никогда не дружила с бабушками своих подруг, а к ней ходила с удовольствием.

– Чай – вкуснейший, варенье – невероятное, – я не кривила душой, всё так и было на самом деле.

Мы смеялись рассказам Надежды Филипповны про соседа по коммуналке, о Воронове Силантьева помалкивала.

– Я завариваю чай с черносмородиновым листом, он тогда душистым получается. Варенье абрикосовое, Наташино любимое, – Надежда Филипповна продолжала подносить угощения, хотя журнальный столик уже весь был заставлен вазочками.

– Надежда Филипповна, ваш сосед, действительно, Штучкин?

– Да, Вася Штучкин, и попугай мой его фамилию знает, произносит очень чётко: «Ш-ш-штуч-ч-чкин».

Волнистый попугайчик Надежды Филипповны и вправду был разговорчив.

– Это сколько же надо с ним разговаривать о Васе, чтобы он научился фамилию произносить? – Наташка хитро взглянула на бабушку.

– Вася – очень организованный человек, вот уже десять лет каждое утро он жарит яичницу из одного яйца, это ритуал. Однажды утром выхожу на кухню, а Вася стоит и жарит яичницу из двух яиц, – бабушка была серьёзна, но мы почувствовали подвох. – Я говорю: «Вася, у тебя привычки изменились?» Он смотрит на меня и не понимает, вдруг дверь открывается, и на кухне появляется незнакомая дама. Оказывается, она у него гостила. Так открылась тайна яичницы, – Надежда Филипповна чуть улыбнулась, история была пикантной, мы захихикали.

– А как терпеливо и тщательно Вася сапоги чистит! – бабушка готова была рассказывать следующую байку, но я не удержалась и перебила её:

– У вас тоже море терпения, варенье тому доказательство: очистить абрикосы от косточек, потом эти косточки расколоть, достать орешек, засунуть его обратно в абрикос, столько возни, но как вкусно!

– Ешьте, у меня ещё банка припасена. Наташа, завтра пекун для мамы шоколадник, у её коллеги день рождения, торт

подвезу на работу. Передай маме, в два буду у неё.

Шоколадник – второй хит Наташкиной бабушки, замечательный бисквитный торт со сметанным кремом.

– Вы, девчонки, приходите, буду Ирининой приятельнице торт делать, заодно и для вас испеку.

Энергией Надежды Филипповны я восхищалась. Когда мы распрощались и вышли на улицу, я спросила Наташу:

– Как ей не лень всем торты печь? Это такая морока!

– Что ты, ей очень нравится, она полезное дело делает, и за работой не скучно.

– О чём речь? Ведь она вахтёром работает, сутками, ты сама говорила. Сидела бы, отдыхала! Вот так проживёшь жизнь, а окажется, хоть и внуки есть, всё равно одна, ищешь, чем себя занять. Как-то жутко, – я поёжилась, было искренно жаль Надежду Филипповну.

– Действительно, грустно, пожалуй, поживу у неё недельку. Воронов здесь не найдёт, а если и выловит, бабушка удар отразит, ей не привыкать, и на физкультуру ближе ездить. Только растолстею. Она меня сразу кормить начинает, сила воли у меня слабая, ем всё подряд и поправляюсь.

– Ты не передумала? Может, всё-таки встретитесь с ним, объяснитесь?

Наташка задумалась. Меня это порадовало, и, воодушевлённая, я продолжала:

– Даже осуждённый имеет право на последнее слово, ты должна дать ему шанс.

– Не дам. Наши отношения достигли своего логического конца, осталось только точку поставить, – Наташка пожалала плечами.

– Не жалко тебе вот так всё закончить? – удивилась я.

– Всё когда-то заканчивается, любовь проходит. Разве бывает вечная любовь?

Оказывается, я не слишком хорошо знала свою подругу, иногда она могла быть очень жёсткой. Или это маска? Меня потянуло на философию, но место было не слишком подходящее – мы втиснулись в переполненный вагон метро.

III

Древнерусскую литературу читал Панченко. Тогда ещё это имя не звучало так громко – мэтр не был столь опубликован, не вёл телепередач, не издавал книг для широкой публики. Но и без телевидения было понятно: перед нами крупный учёный, влюблённый в своё дело – это всегда заметно и внушает уважение. Его борода, немного глуховатый голос и не слишком опрятный костюм напоминали университетских профессоров прошлого столетия, типичных интеллигентов, мало замечавших окружающую действительность и живших в своём мире. Наверное, если бы нас не было в аудитории, преподаватель с таким же вдохновением рассказывал пустому залу о русских летописях, ему не нужны были зрители. Мы сидели и ловили каждое слово, летописи в его устах за-

вораживали.

Рассказ шёл о главном коньке Панченко, о юродивых: «Юродство – сложный и многоликий феномен культуры Древней Руси. О нём большей частью писали историки церкви, хотя историко-церковные рамки явно узки для этого явления. Русское юродство ведёт начало от Исаакия Печерского, о котором повествует Киево-Печерский патерик (Исаакий умер в 1090 г.). Затем вплоть до 15-го века источники молчат о юродстве, а самый расцвет приходится на 15-й век и первую половину 17-го столетия...»

– Как я уважаю такое увлечение профессией, – прошептала я Силантьевой, строчившей в тетрадке с невероятной скоростью. – Он же просто фанатик своего дела!

– Это да, – согласилась Наташка. – И смотри, никто не шепчется, все конспектируют.

– Не все, – заметила Фёдорова, – есть две дурёхи, которые мешают Панченко работать.

«...Есть и канонизированные юродивые – Авраамий Смоленский, Прокопий Устюжский, Василий Блаженный Московский, Никола Псковский Салос, Михаил Клопский.

В житейском представлении юродство непременно связано с душевным или телесным убожеством. Это заблуждение. Нужно различать юродство природное и юродство добровольное («Христа ради»). Имеется сколько угодно фактов, доказывающих, что среди юродивых было много вполне разумных людей. В чём же сущность юродства, этого «са-

моизвольного мученичества»? Речь идёт об аскетическом самоуничижении, мнимом безумии, оскорблении и умерщвлении плоти: «Мы юроди Христа ради» (1-е послание апостола Павла к коринфянам). Юродство – добровольно принимаемый христианский подвиг из разряда так называемых «сверхзаконных», не предусмотренных иноческими уставами».

– Я думала, юродивые – это шуты, – не удержалась Силантьева, – а они, оказывается, мученики.

– Говорят, бог любит убогих и юродивых, – шепнула я в ответ, опасливо поглядывая на Маришу.

«...Активная сторона юродства заключается в обязанности «ругаться миру», то есть жить в миру, среди людей, обличая пороки и грехи сильных и слабых и не обращая внимания на общественные приличия. Более того: презрение к общественным приличиям составляет нечто вроде привилегии и неременного условия юродства, причем юродивый не считается с условиями места и времени, «ругаясь миру» даже в божьем храме, во время церковной службы. «Благодать почиет на худшем», – вот что имеет в виду юродивый...»

– Это не для меня, я всегда хотела быть лучшей, нас этому в школе учили, – возмутилась Силатьева, – а тут человек сознательно стремится быть плохим.

– Знаешь, подруга, пять веков прошло, естественно, идеология изменилась, – я изо всех сил старалась шептать тихо, чтобы не мешать мэтру.

«...Юродивый стремится достичь духовной свободы, тяготы юродства, его «безобразие» – это одновременно и плата за позволение обличать, говорить правду сильным мира сего. В юродстве – совесть народа, и люди сердцем это понимают. Юродивый наедине с собой не юродствует: «В день убо яко юрод хождаше, в нощи же без сна пребываше и моляшися непрестанно господу богу». Он не только актёр, он великий режиссёр, руководит толпою, превращает её в марионетку, безмолвно и даже благодарно сносит побои толпы, хотя нарушать законы здравого смысла дано не каждому. Исполненное тягот, страданий и поношений юродство в древнерусских источниках уподобляется крестному пути Иисуса Христа, а сам подвижник сравнивается со Спасителем...»

Когда пара закончилась, Панченко молча покинул нас в своём величии, а мы остались сидеть.

– Неужели, чтобы говорить правду, надо непременно страдать? Какая ужасная плата за свободу, – я собирала исписанные тетради в лёгком тумане, в голове звучал голос Козловского из постановки «Бориса Годунова»: «Обидели юродивого!...»

– В этом избранность божьих людей, они в иной реальности, в них, как в зеркале, отражаемся мы сами, – заметила Маринка.

Она сидела немного растерянная и усталая и думала о чём-то своём.

– Да что это вы, девчонки, с ума сошли, что ли? – Силан-

тьева не на шутку испугалась за нас. – Это когда всё было? Триста лет назад, даже пятьсот! Слышали, Панченко вначале сказал: «Двадцатый век новых юродивых не открыл»!

– Это и обидно, совесть народа исчезла безвозвратно, – Мариша не смотрела на нас, её взгляд будто был устремлён внутрь себя, такой мы её ещё не видели. – Юродивый не может быть любим, не вызывает симпатии, но всё равно идёт на самоотречение. Какое страшное самопожертвование! Жаль, я на это не способна.

– Прекрати сейчас же! – Силантьева нервничала ещё больше. – Ты, Фёдорова, сейчас договоришься, совестливая наша, что это на тебя нашло?

– Я просто давно об этом размышляю...

– О юродивых? – изумилась Наташка.

– Нет, о том, как я живу и для чего? – Марина слегка побледнела, но подняла на нас глаза и твёрдо продолжила: – Знаете, девчонки, пока что мне нечего предъявить миру.

Наташка не нашлась, что ответить, она была истинным практиком, даже когда теоретизировала по тому или иному вопросу. Надо было как-то спасти ситуацию.

– Насчёт юродивых согласна, это дар божий, – вступила я, – но только мне кажется, что ведь абсолютно безгрешных людей не бывает, все делают ошибки. Вопрос в умении их признавать и исправлять, разве не так?

– А ты слышала про семь смертных грехов? – Мариша продолжала сидеть на своём месте, казалось, она и не соби-

ралась уходить.

– Слышала, конечно, только наизусть не помню.

– Гнев, гордыня, сладострастие, уныние, чревоугодие, зависть, алчность.

– Какой ужас, я великая грешница, – пробормотала Силантьева и в задумчивости опустила рядом с Фёдоровой.

– Знаете, почему эти грехи смертные? Потому что их постоянное повторение влечёт за собой смерть души. А мы то и дело перешагиваем через истинные ценности...

– Марина, перестань, не бери на себя слишком много, так и надорваться недолго, что ж нам теперь, проповедовать идти или в монастырь? Не торопись, ты ещё принесешь пользу обществу, – я поняла, что дискуссию пора заканчивать, иначе последствия могут быть непредсказуемы, демонстративно подняла Силантьеву и потянула к выходу.

– Я никому не нужна, это меня и пугает, – Мариша неожиданно покраснела. – Если б вы знали, как мне всё надоело! У меня такое чувство, как будто вокруг меня все живут полной жизнью, радуются чему-то, огорчаются, влюбляются, наконец, а я сижу на обочине и лишь смотрю, как они это делают! Своей жизни у меня нет! Мне казалось, поступлю в институт, что-то изменится, начнётся новая полоса, всё будет по-другому, а ничего не изменилось, разве что больше времени в дороге стала проводить, раньше в школу в Пушкине ходила, теперь в город езжу. И всё! Полный мрак, это неправильно, так не должно быть, такое бесполезное существова-

ние греховно.

— А как же твои ежедневные домашние заботы, это что, не подвиг? — выкрикнула Силантьева.

Маринка махнула рукой, не ответила, вылезла, сгорбившись, из-за парты, пошла к дверям, но вдруг остановилась, как вкопанная: в дверях стоял Панченко и задумчиво смотрел на нас. Мы его не заметили, а может, он только вошёл. Размышлять было некогда — до коллоквиума по книговедению оставалось всего ничего, а бежать надо на самый верх, под крышу нашего с Долли особняка. Мы переглянулись и молча прошмыгнули мимо профессора.

*

Когда добрались до нужного кабинета, почти все девчонки из группы уже сидели за столами, вокруг — пальто, шапки, куртки. Первый ряд занимала Неля и её огромная искусственная шуба — хотя морозы ещё не ударили, Зайцева заблаговременно утеплилась.

— Ой, как тесно тут, как в скворечнике, — я устремилась на галёрку, подальше от места преподавателя.

Проход был совсем узкий.

— Скоро мне вообще не пройти будет, — сказала Жанна, которая шла следом.

Она училась с нами третий месяц, ничем не выделялась, обычная девушка со странным для русского уха именем.

— Ты растолстеть планируешь? — удивилась я.

– Уже растолстела, а дальше – больше, – Жанна явно хотела нас поразить.

– Ты беременна? – догадалась бывалая Марианна.

Жанна гордо кивнула, мы дружно онемели.

В аудиторию вошел профессор Баренбаум, пришлось вернуться к более простым вещам, нежели будущее материнство Жанны Цивилёвой.

Иосиф Евсеевич Баренбаум выглядел очень живописно, шапкой седых волос и суровым взглядом исподлобья он напоминал Карла Маркса. Из аксессуаров прошедшей эпохи ему не доставало только пенсне, вместо него он носил большие очки в роговой оправе, которые ему совсем не шли. Книговедение Иосиф Евсеевич читал всему курсу, а у нас проводил ещё и коллоквиумы. Это было повеселее библиотекведения, но тоже не слишком увлекало. Вернее, про первопечатников и инкунабулы было интересно, местами даже таинственно, про Сытина и книжную лавку Смирдина тоже, а вот когда пошли первые подпольные типографии и партийные издательства, стало как-то скучно. Но мы были детьми эпохи развитого социализма, к таким вещам привычны, относились к ним с пониманием людей, наслышанных о том, что народ и партия – едины.

Все сидели с умными лицами и размышляли – я уверена, о Жанне, про типографии вряд ли кто думал. Силантьева не выдержала, зашептала:

– Саша, скажи, тебе бы хотелось иметь ребёнка на первом

курсе?

– Что ты! Я вообще детей боюсь, особенно маленьких, да и себя взрослой стала только недавно считать.

– Вот и я про то. И потом, она же не замужем! Смертный грех, – подруга осуждающе вытаращила глаза и покосилась на Фёдорову.

После своего выступления Марина впала в транс, было правильнее оставить её наедине с вопросами мироздания, совести и Иосифа Евсеевича. Мы же с Силантьевой продолжали шептаться:

– Меня вообще бабушка воспитывала строго, с Серёгой возможностей было сколько угодно, мне и в голову не приходило. Один раз нас мама застукала... – Силантьева на минуту забыла о Жанне и о своём разрыве с Вороновым и с увлечением рассказывала: – Дело было на следующий день после выпускного вечера. Я под утро вернулась, спать завалилась, а проснулась оттого, что Воронов в дверь трезвонит. Представь сцену – мама приходит с работы, заглядывает в мою комнату, а я в ночной рубашке на кровати сижу, а рядом Серёжка!

– Какой ужас, – только и смогла произнести я.

– Мама тоже удивилась, мы с Вороновым шарахнулись, конечно, в разные стороны, но нам и в голову не пришло, что можно предположить не только обьятия. Вернее, не знаю, что у мамы на уме было. Серёга сидел красный, как рак, – Наташка засмушалась. – Всегда считала: свадьба, первая

брачная ночь – это святое, всё должно быть правильно, иначе пошло и грязно. Серёжка, кстати, об этом отлично знал и никогда не переступал дозволенных границ. Может, поэтому у нас всё развалилось?

Я промолчала. Подумала, что не одна я такая правильная, лелею романтические мечты и верю в принца на белом коне. Баренбаум стал совсем незаметен, по крайней мере, для нас обеих, – каждая размышляла о своём.

Перерыв оказался кстати, требовалось выяснить массу подробностей, группа обернулась к Жанне.

– А как же ты будешь учиться на втором курсе? – Силантьева оказалась самой любопытной и первой задала вопрос.

Жанна Цивилёва, крашеная блондинка с химическими кудряшками, говорила с интонациями продавщицы овощного магазина, жила в Красном Селе и частенько пропускала занятия. Мы с ней общались мало, правда, обновления её иногда привлекали наше внимание – одевалась она пёстро и дорого. Ну как было не удивиться белоснежным сапогам, обутым поверх толстенных чёрных рейтуз, кружевной юбке с оборками в сочетании с пушистым мохеровым свитером, по отдельности всё было дорого, а вместе выглядело нелепо. Что поделать, такой у Жанны был вкус.

Наташкин вопрос не застал Цивилёву врасплох, она гордо отвечала:

– Мама будут сидеть с ребёнком, по очереди, то моя, то его.

– А ты с его матерью в хороших отношениях? – вступила в разговор мудрая Зайцева.

– Я её знаю с первого класса, с моим парнем мы вместе в школе учились. Иначе как тётей Светой её и не называю. С Васькой хотим пожениться, пока живот не слишком заметен, а то потом ни одно платье не налезет, – Жанна предвосхитила вопрос, который занимал всех.

– Когда свадьба, определили? – Неля по-матерински стремилась скорее прикрыть Жанкин грех.

– Собираемся в субботу пойти в ЗАГС, всё узнать, у нас в Красном Селе очереди на регистрацию небольшие, – Цивилёвой нравилась и эта тема, и она сама в центре событий, пусть и беременная. – Девчонки, как вы думаете, ничего, если я буду с животом и в фате? – всё-таки Жанна была из той же эпохи, что и мы, и, видимо, понимала, что не совсем права.

– Платье выбрала?

– Нет ещё, я не знаю, когда свадьба будет, и какой живот у меня вырастет к тому времени, но это не проблема, мамина подруга в магазине для новобрачных работает.

– Здо-о-орово, – протянула Силантьева.

Я так и не поняла, радуется ли она свадьбе или оценила удачный Жанкин блат.

Магазин для новобрачных был закрытым заведением, талоны туда получали только те, кто подал заявление в ЗАГС. Некоторые особо шустрые специально подавали заявление,

чтобы быть допущенными в Мекку платьев, парадных костюмов, обуви, белья, посуды, – просто дух захватывало от рассказов очевидцев...

Перерыв закончился, вернулся наш Карл Маркс, и мы, теперь уже более сосредоточенные, обратились вновь к типографиям. Пришлось это сделать, так как совсем не хотелось иметь хвост к первой сессии, которая уже маячила на горизонте.

*

Довольно быстро подошла к концу теория по медицине, началась практика. Мы стали постоянными посетителями городской больницы на улице Софьи Перовской.

Больницами меня не удивишь, дедушка часто ложился на обследования. Когда мне было пять лет, это напоминало игру: я писала в больницу письма, а дед передавал мне оттуда ответы и яблоки. Ещё мы с мамой ходили его навестить, и меня всегда поражал специфический больничный запах, ударявший в нос прямо в холле, после чего мы шли бесконечными коридорами и попадали в палату, где дедушка кормил меня больничной едой – обед его я лопала с большим удовольствием.

Больница на Софье Перовской пахла иначе. С первых шагов мы ощутили запах варёного супа с луком, он распространился по всем этажам и, наверно, пропитал здание насквозь. Войдя внутрь, мгновенно хотелось выйти, но без практики

не допускали к экзамену, надо было терпеть.

Сняв пальто, мы надевали белые халаты в маленькой ком-натке типа смотровой.

– Не понимаю, почему, когда я прихожу к врачу на приём, на нём обычный халат на пуговицах, а нам выдали чёрт знает что? – Неля казалась ещё объёмнее в огромном белом халате с завязками на спине вместо застёжки.

– Подозреваю, что у нас халаты младшего медперсонала, нянечек и уборщиц, – я проявляла большую осведомленность в вопросе спецодежды, детский опыт не пропал даром.

– Ну, допустим, халат главврача мне не достался, но и сиделок с пятью бантиками на попе я не встречала, – Зайцева искренне негодовала.

Мы поглядели друг на друга и рассмеялись. Халат надевался как передник: руки надо было просунуть в рукава, а вдоль спины болтались белые верёвочки-завязки, которые надёжно его фиксировали. У нас с Нелькой тело крупное, да и бюст не маленький – халат подчёркивал наши формы и отнюдь не красил. На голову полагалась белая косынка времён Первой мировой, только без красного креста.

Я стояла и ждала, пока Мариша завяжет меня на все банты с самого верха.

– Знаю, где видела подобное! – Маринка закончила, и мы поменялись местами, теперь я её паковала. – Помните Фрекен Бок в «Малыше и Карлсоне»? Там домомучительница в таком передничке гоняется за привидением.

– Разве она медсестрой была? – Наташка, изогнувшись крючком, завязывала себя самостоятельно.

– Нет, Фрекен Бок – домработница, и у неё тоже был похожий передник.

– Приятно, наконец-то открылась наша истинная сущность, – Силантьева почти преуспела в самообслуживании, но узел в районе лопаток не получался, пришлось ей помочь.

– Всё? Все готовы? Пошли, – Неля возглавила наш небольшой медотряд.

– Господи, почему библиотекари должны быть медсёстрами?! – с пафосом воскликнула я, но никто мне не ответил.

Через минуту мы оказались в терапевтическом отделении. Появилась врачиха в замечательном капроновом халатике, нарядном и кокетливом. Она стала рассказывать про больницу и персонал, повела по палатам. Скучая, мы брели сзади, Силантьева ворчала мне на ухо:

– Сама ходит, как Светличная в «Бриллиантовой руке», с перламутровыми пуговицами на груди, а нам только швабры не хватает.

Я пожала плечами, меня внешняя сторона всегда волновала меньше, чем подругу.

– Девочки, а почему нас привели в мужское отделение? – Мариша нервничала. – Всё то же самое можно было показывать в женском.

– Тебя не в баню привели, в больницу, что неприличного тебе показывают в мужском отделении?

Я хихикнула, соглашаясь с Силантьевой.

– Ну, как-то неудобно, мы же будем за ними ухаживать, – Мариша не унималась.

– Пусть лучше они за нами ухаживают, вон дядька крепкий какой, чего здесь сидит, непонятно, – Наташка улыбалась старичку, который воспринял наше появление как неожиданное развлечение или даже подарок судьбы и всячески демонстрировал своё расположение, подмигивая и подпрыгивая на кровати.

Но тут произошла катастрофа: Светличная объявила, что каждая из нас должна будет сделать укол одному из пациентов, без этого зачёта по практике не поставят.

– Какой ужас! – Фёдорова покраснела, а потом в момент побелела – страх охватил её мгновенно, хотя жертвы на горизонте ещё не было.

Нас предусмотрительно вывели из палат в коридор, наверное, чтобы своей реакцией мы не испугали больных.

– Я могу уколоть кого угодно, только не каждому это может понравиться, – Силантьева говорила правду, она ловко управлялась с уколами, да и банки ставила неплохо.

– Я тоже могу, только внутримышечно, – мой голос звучал не так уверенно, почему-то вспомнился Шурик из «Кавказской пленницы», делавший укол герою огромного Моргунова.

На занятиях в институте мы тренировались на губке, имитирующей мягкое место. Лихо всаживая в губку шприц,

можно было не заботиться об её ощущениях, теперь всё было иначе.

– Хорошо, что можно не сегодня сдавать, – промямлила я.

– Это ничего не изменит, колоть всё равно придётся, – Маринка совсем пала духом.

– Ладно вам, давайте я попробую, вы убедитесь, что в этом нет ничего страшного, – Наташка личным примером хотела вдохновить нас на подвиг.

Мы прошли в процедурный кабинет, где нас в очередной раз проинструктировали и оставили дожидаться больных волонтеров. Первым прибежал знакомый старичок: его не смутила неопытность медперсонала, видно, желание пообщаться с молоденькими девушками перекрыло инстинкт самосохранения. Он лёг на кушетку и с удовольствием спустил штаны. Силантьева ловко открыла ампулу, заполнила лекарством шприц и, как заправская медсестра, всадила старичку укол в правую верхнюю часть ягодицы. То ли иголка оказалась тонкой, то ли Наташка была виртуозом, боли дед не почувствовал.

– Спасибо, красавица! Лёгкая у тебя ручка, я б к тебе каждый день на укол приходил, – пел он, подхихикивая и натягивая штаны.

– Выздоровливайте, – Наташка вошла во вкус и чувствовала себя настоящей медсестрой.

Дело пошло, девчонок, желающих сделать укол, набралось достаточно, но первый укол Силантьевой запомнился всем.

*

Когда выбрались на улицу, воздух показался таким свежим и чистым, будто мы очутились в лесу, а не в центре города. Неподальёку находился милый нашему сердцу «Лягушатник», и мы направились туда снимать стресс.

«Лягушатником» ленинградцы называли обыкновенное кафе, где продавали мороженое, оно располагалось на Невском напротив Казанского собора, и хоть такой вывески на фасаде не было, при слове «Лягушатник» все сразу понимали, о чём речь. Стены кафе были выкрашены в зелёный цвет, уютные диванчики обиты зелёным бархатом, столики тоже были зелёными – лягушатник, да и только. Уютно и недорого, многие любили это местечко.

Мы с девчонками заняли целый диванчик, а столик заставили креманками с мороженым и стаканами с соком. Наташа, как всегда, купила четыре шарика с двойным сиропом. Она перемешала сироп с мороженым и с наслаждением поглощала ледяное пюре. Я взяла три шарика с сиропом. Марише хватило двух без сиропа, она всегда экономила. Коктейлей решили не брать, их готовили своеобразно: наливали в стакан яблочный сок из трёхлитровой банки и бросали туда шарик мороженого. Каждая из нас уже испытала на себе действие этого напитка: не всегда его употребление наносило вред здоровью, но порой случалось. Сегодня решено было не рисковать.

– Девчонки, как же сделать укол? – мучительная мысль не покидала Фёдорову ни на минуту.

– Не расстраивайся, мы с тобой потренируемся на губке, я покажу, как делать, ты повторишь много раз, и всё получится, – Наташка искренне стремилась помочь.

– Дело не в этом, не понимаю, как уколоть живого человека?! Ему же может быть больно! – Маринка почти плакала.

– Тебя его не убивать заставляют, чего переживать?

Силантьева первая доела мороженое и неожиданно сказала:

– Ты, Мариша, лучше расскажи, как прошёл день рождения мамы, все остались довольны?

– Что? – вздрогнула Мариша. – Ей не сразу удалось переключиться на другую тему.

– Я спрашиваю, как банкет?

– Всё нормально, я успела с салатами, папа притащил из города огромный торт, гостей было мало, только дядя с тётей пришли, все остались довольны.

– А что же вы из-за двух гостей так тщательно готовились? – удивилась я.

– Мы всегда так, традиция такая, даже когда праздники без гостей справляем, – Мариша говорила и ела мороженое малюсенькими кусочками, чтобы горло не заболело.

– Хороша традиция, собой заняться некогда, личная жизнь страдает, – ввернула Наташка.

– Ох, девочки, вы правы, мне тоже кажется, надо что-то

менять, но как? Я даже в гости никого позвать не могу: то мама спит после смены, то папа. У нас крошечная двухкомнатная квартира, причём одна комната проходная, в ней родители живут. Я – с братом, ему в школу рано вставать, он уже в десять спать ложится, мне даже свет не включить, чтобы почитать. Сидим все друг у друга на голове, какая тут личная жизнь.

Мы с Наташкой разинули рты – нас квартирный вопрос не беспокоил. Я сориентировалась первой:

– Ну, хорошо, в гости звать нельзя, но гулять-то ты можешь, не всё же дома сидеть, суп варить.

– Теоретически могу, гулять мне не запрещают, но когда гулять? Как-то незаметно получилось, что всё на мне. Маме со мной удобно – хлопот по хозяйству меньше, – Маринка была тиха и невинна, как ангел.

– А говоришь, никому не нужна, да ты незаменимый член семьи, весь дом на себе тянешь! Только смотри, останешься в старых девах и будешь продолжать варить суп всю оставшуюся жизнь, – Наташка понемногу выходила из себя.

– Мама тоже считает, что мужа мне не найти. Говорит, я эгоистка.

– Ты?! – воскликнули мы с Силантьевой одновременно.

– Надо открыть ей глаза, рассказать какие дочери бывают, можешь меня в пример привести, – ради счастья подруги я была согласна на дурную славу лентяйки.

– Что вы, девчонки, я действительно не подарок, – Мари-

ша вздохнула.

– Давай, проведи обряд самобичевания, давно об этом мечтаешь, – Силантьева не на шутку разозлилась. – Сама во всём виновата. С завтрашнего дня начинаешь новую жизнь, надо когда-нибудь и о себе подумать. Выбрось из головы мечты о спасении мира, спаси сначала себя, любимую, а там и о других позаботишься. Для начала устроим девичник, надо план разработать.

– Давайте, только мне нельзя поздно домой возвращаться, с-электричкой проблемы будут.

Да, Мариша была слишком здравомыслящей, капля сумасбродства ей точно не повредила бы.

– Предлагаю собраться на моей территории, кстати, у меня и заночуешь, – глаза у Наташки загорелись, мозг лихорадочно заработал.

Мне показалось, что последняя фраза не вызвала энтузиазма у Маринки, впрочем, она решила не перечить. Мариша была ангелом, да и только.

*

Мы вышли на Невский, домой не хотелось. К Фёдоровой это не относилось: она мгновенно испарилась, забыв о твёрдом намерении во что бы то ни стало начать новую жизнь. Мы же с Силантьевой переглянулись и направились в Пассаж, обожаемый всеми поколениями ленинградок без исключения.

В преддверии Нового года магазин был особенно хорош. Серпантин, мишура, ёлочные игрушки – всё создавало неповторимое ощущение праздника, нежно любимого с детства, что уж говорить о ёлке, которая стояла в центре зала и отчётливо пахла лесом. Настроение сразу улучшилось: Новый год на носу, а с ним ожидались новые надежды, мечты, желания и, конечно, любовь.

Нас привлекла огромная толпа, незаметно переходящая в очередь. В самом конце галереи, недалеко от женского туалета явно что-то «выбросили» (к счастью, мы сейчас уже позабыли это словечко применительно к магазинам, а в те времена оно означало продажу дефицитного товара). Это оказались трусики «Неделька», мечта всех женщин Советского Союза. Я заныла:

– Наташенька, давай постоим, «Неделька» – это семь трусов, и всего 28 рублей.

Силантьева была строга:

– Саша, но тут же часа на два очередь, к тому же может не хватить. У меня судьба трагическая, в очередях передо мной всегда всё заканчивается.

– А я вот не верю, что всегда не везёт. Чудеса случаются, тем более под Новый год! Когда ещё такие трусы выбросят? Это ведь Сирия!

Я слабо представляла себе преимущества сирийских текстильных изделий перед другими импортными производителями, но в том, что они были лучше советских, не сомнева-

лась. Мы встали в конец хвоста, терявшегося за новогодней ёлкой, перспективы были не слишком радостные – трусов, действительно, могло не хватить, если только не какое-нибудь чудо.

– Пойду вдоль очереди, посмотрю, нет ли девчонок, – в Наташке проснулся интерес, она решила побороться и, видно, тоже понимала, что без чудес не обойтись.

Я пристроилась в самом конце и стала грезить о вожденной «Недельке». Вдруг по очереди пробежал лёгкий шум, народ заволновался. Не понимая, что случилось, я присмотрелась к соседям. Впереди стояла гостя с юга, здоровая тётка. Она держала в руке огромную сумку, набитую шуршащими пакетами, – всё указывало на то, что Пассаж был далеко не первым пунктом в её сегодняшнем походе по магазинам. Видимо, добыча дефицитного товара шла успешно, тётка была спокойна. Сзади меня – два парня, тоже приезжие. Они хихикали, чувствуя себя не очень уютно: не каждый мужчина решится встать в очередь за женским бельём.

Вернулась Силантьева.

– Никого из наших не видно, катастрофа, – Наташа выглядела немного расстроенной, но сдаваться не собиралась.

– Постоим немного, главное, чтобы размеры были, – я не зря переживала из-за размеров: мой размер L был самым ходовым, заканчивался в первую очередь – крупных женщин в стране хватало, у Силантьевой с её М-кой было больше шансов.

– Девушки, – парням позади нас стало скучно, – а вы не объясните нам, валенкам, почему трусы называются «Неделька»? Их что, по неделе носят? – мордатый оказался шустрее и увереннее своего щуплого товарища и первым задал вопрос, потом оба загоготали.

Наташка круто повернулась. Колхозники, стоящие за женским бельём, её совсем не интересовали, поэтому ответ был суров:

– Здесь всё привычка решает, кто-то вообще нижнего белья не носит, – сказала она и встала к парням спиной, давая понять, что общение закончено.

Шум впереди вспыхнул с новой силой.

– Наверное, кончаются, – застонала я.

Профессионалка с сумкой обернулась и спокойно заметила:

– Говорят, по универмагу проверка ходит, кэгебистская, ловят прогульщиков и командировочных.

Мы с Силантьевой вытаращили глаза. Новость была не из приятных. Конечно, мы знали о новом генсеке, который стремился к порядку в самом жёстком понимании этого слова. Ходили слухи о проверках в крупных торговых центрах: многие наши сограждане любили пройтись по магазинам в рабочее время, дисциплина не везде была железной, вот её и укрепляли таким неожиданным способом. Участвовать в подобном мероприятии не хотелось.

– Вчера здесь за джинсами стояла, пол-очереди разбежа-

лось, когда проверять пришли, – наша соседка была приятно возбуждена, её, видимо, никакие комиссии не пугали.

– Нам можно в магазин после занятий ходить? – прошептала мне на ухо законопослушная Наташка.

– Конечно, можно, не волнуйся, студенческие билеты покажем, и всё, – успокоила я подругу, – страшнее будет, если трупы закончатся.

Стоявшие за нами парни куда-то улетучились, да и очередь продвинулась – видно, угрозы подействовали не только на них.

– Где же проверяющие, я никого не вижу? – допытывалась Силантьева, – неужели нарочно кто-то слухи распускает?

– Это те, кто совсем в конце стоят, – предположила я, – им-то уж точно ничего не достанется.

– Интересно, а как доказать, что ты можешь не работать? – поинтересовалась Наташа у нашей соседки.

– Ой, девочки, я сама никого не видела, это мне в очереди рассказали, – попыталась заверить нас та.

Я задумалась. Очередь в то время была обычным делом, люди в очередях знакомились, влюблялись, ссорились и мирились. Вся страна была одною большой очередью, мы не знали другого и чувствовали себя в очередях относительно комфортно, общая цель объединяла.

– Ты чего? Заснула? – Наташка не понимала, почему я замолчала, тётке тоже стало любопытно.

– Думаю, дождёмся мы когда-нибудь такого времени, что-

бы без очереди покупать, ведь за границей очередей нет, что же мы-то всё с боем добываем?!

– Ну да, рассказывай! Лет через сто! – заметила Наташа и покрутила пальцем у виска. – Саша, ты меня пугаешь.

Тем временем надежда купить трусы крепла с каждой минутой.

– Может, ещё раз клич про проверку кинуть?

– Народ во второй раз не поведётся, к тому же это технически невыполнимо. Ты что, подойдёшь к тем, кто у прилавка, и крикнешь: «Предъявите документы!»? Не боишься, что побьют?

Я согласилась:

– Да, от прилавка никто не уйдёт, только малодушный отказывается от цели, которая почти достигнута.

– Тогда стой себе спокойно и молись, чтобы хватило. Хорошо, хоть по три комплекта всего в руки дают. Шанс есть, – Наташка была неисправимой оптимисткой.

– Не понимаю, зачем им всем столько трусов. Двадцать одна штука! Мне бы хоть комплект, – стонала я.

– А подарки? Новый Год скоро.

– Но ведь это неприлично, трусы дарить.

Силантьева фыркнула:

– Ты бы расстроилась, если б тебе «Недельку» подарили?

Последние три метра до вожаемого прилавка мы не разговаривали, напряжение было слишком велико. Через пару минут я счастливо улыбалась, сжимая в руке заветный па-

кетик:

– Вот повезло-то!

– Это точно, удачно в магазин зашли, жаль, Маришка убежала, – Наташка представляла, как мы втроём делим эту радость.

– У неё денег не было, и у нас с тобой не хватило бы на третий комплект, к тому же, я уверена, Марина никогда не купила бы себе таких дорогих трусов.

– Ты права, – вздохнула Силантьева. – Пошли, скорее, домой, ещё текст по английскому переводить.

Впереди маячили зачёты, сессия. Стипендии хотелось, особенно после нашей замечательной покупки.

*

Всю сознательную жизнь я занималась общественной работой. Началось с мечты быть командиром октябрятской звёздочки, потом пришла пора пионерских звеньев и членства в Совете дружины, дальше комсомол, ячейка, поручения. Зачем я это делала? Наверное, сыграли роль общительность, честолюбие и подсознательное желание убить в себе очередной комплекс. В институте меня выбрали в учебный сектор курса, так что комсомольская карьера продолжалась. В мои обязанности входило следить за успеваемостью, в случае чего принимать меры, влиять на отстающих. Никогда не понимала, как можно заставить учиться уже вполне взрослых людей, но «Партия сказала: надо! Комсомол ответил:

есть!». Первая сессия должна показать успехи курса в борьбе за знания, а я обязана предъявить эти успехи комсомольским вожакам. Было над чем поломать голову.

Мы сидели втроём с девчонками в пустой аудитории. «Окно» перед иностранным языком каждая использовала по-своему: я перебирала списки посещаемости, Силантьева вала дурака, Фёдорова переводила текст.

– Нет, Саша, я с тобой не согласна, сидеть и ждать своего единственного в наше время глупо, можно всю жизнь прождать. Действовать надо! – убеждённо изрекала Наташка, пытаясь подсмотреть слова, переведённые Маринкой, и записать их себе в тетрадку.

Я оторвалась от бумажек, которые сдавали старосты (странные люди, пишут на каких-то огрызках, как будто в стране бумаги мало) и на последние слова подруги заметила:

– Как же ты будешь действовать? Выйдешь на Невский с плакатом «Ищу любовь»? Или, как Владимирская, атакуешь курсантов?

– Почему сразу крайности? Кстати, не вижу ничего плохого в военных училищах. Там скопление свободных мужчин, не обременённых семьей и лишённых женского внимания. Курсанты – отличный материал, благодатный. Анька молодец, знает, что делает.

– Не верю, что на танцах можно встретить настоящую любовь, туда, на мой взгляд, серьёзные ребята не ходят, – я попыталась посчитать количество пропусков по группам, но

ничего не получалось.

– Кто собирается с дискотеки сразу в ЗАГС идти? Это всего лишь старт, взлётная полоса, возможность развлечься. Познакомься, а потом, если захочешь, встречайся – не понравился, другого ищи, – рассуждала Силантьева, подвинув Маринкину руку с ручкой, чтобы удобнее было списывать.

– Какой-то конвейер получается. Знаешь, что Омар Хайям говорил? Лучше быть одиноким, чем водиться с кем попало, – я бросила экраны посещаемости, наш разговор нельзя было совмещать с подсчётом прогулов.

Силантьеву поэт возмутил.

– Какие глупости! Я с Хайямом не согласна и с тобой тоже. Хуже одиночества только смерть! Встретить судьбу где угодно можно: на танцах, на улице, в метро, – Наташка плюнула на английский и продолжала уверенным тоном: – Кто не рискует, тот не выигрывает.

Она покосилась на Маринку, листавшую словарь, и шепнула мне на ухо:

– Мне кажется, в этом деле, чем больше парней, тем лучше, к тому же в сравнении удобнее решать, кого любишь.

– Силантьева, ты глубоко цинична.

– Да брось ты, мне и бабушка всегда говорила: пусть будут. Только сама строга была – чуть провинился, бросала без оглядки, сразу и навсегда, нелегко её мужчинам приходилось. Последний пострадавший – мой дед-лётчик, бабушка увидела его на улице с какой-то женщиной, а вечером, ко-

гда дедушка домой вернулся, чемодан уже ждал его на лестнице, с тех пор никаких отношений.

Зная Надежду Филипповну, я живо представила эту сцену.

– Так вот с кого ты пример берёшь!

– А ведь и правда, я как-то не задумывалась, – Наташа удивилась сходству, но не расстроилась.

– Бабушка потом снова замуж вышла, но мне порой казалось, что она жалела о содеянном, только вернуть уже ничего нельзя было. У меня, надеюсь, по-другому будет.

Я промолчала. Сложная штука жизнь, не разберёшься иногда сама в себе, а уж на все случаи жизни тем более правильных рецептов не подберёшь. Чтобы как-то отвлечься от этой темы, мы повернулись к трудившейся над текстом Маринке:

– Ну как, Мариш, получается? – спросила заботливо и не без корысти в голосе Наташка.

– Тут так много, и текст такой трудный, боюсь, не успею, – Фёдорова нервничала. – Этот английский юмор очень тяжело переводить, я его не улавливаю, а в нём весь смысл.

Силантьева и Фёдорова были в одной группе по английскому. Более усидчивая Мариша часто помогала подруге с заданиями. Их преподавательница пользовалась странной методикой обучения: всё время задавала переводы английских юмористических рассказов и ничего больше.

– Вы так и не начали грамматику изучать? – удивлялась я.

– Нет, что ты, нас готовят в переводчики без знания грамматических правил, к разговору мы и не приступали, – Маринка с сожалением говорила об упущенных возможностях, она всегда хотела знать язык.

– А у меня Бравина – чудо.

Моя преподавательница по французскому была учителем от бога. Впервые мы встретились на вступительном экзамене и сразу понравились друг другу. Итогом встречи стала пятёрка и зачисление в группу Валерии Александровны.

– К языкам склонности не имею, поэтому приходится при-
способливаться, – заметила Наташка и продолжила сдирать перевод с Фёдоровской тетрадки.

– Французский – моя слабость, – призналась я, – и группа у нас боевая. Вот погодите, скоро будем в олимпиаде участвовать вместе с другими творческими вузами – Академией художеств, Театральным, Высшей школой профсоюзов и Военно-политическим училищем противовоздушной обороны, тогда покажем класс.

– С курсантами, говоришь, соревноваться будете? – Наташка заинтересовалась.

– Ох, подруга, ты неисправима, – мы с Силантьевой раз-
зулыбались друг другу, но спохватились: «окно» закончилось, пора было расходиться по аудиториям.

– Мариша, ты помнишь про медицину? Сегодня в больнице твоё выступление с уколом! – напомнила Силантьева.

– Не говори об этом, как подумаю, жить не хочется.

– Вместе делать будем, прорвёмся, – я постаралась подбодрить Фёдорову, но получилось как-то слабенько.

– Ты о больном подумала?! – Мариша казалась настоящей мадонной, такое сострадание читалось в её глазах.

– Знаешь, пусть об этом беспокоятся те, кто придумал медицинскую практику. Мне всё это с самого начала не нравилось.

Мы вдвоём надулись и разошлись по этажам, Наташка поплелась за Маринкой – её молчание во время нашей перепалки говорило о том, что думала она, скорее, о несделанном английском, чем о бедных больных, рискующих быть покалеченными нашими неумелыми руками.

*

Через два часа мы уже стояли в гардеробе больницы на Софьи Перовской. Мариша снова стала белой и принципиально не смотрела в нашу сторону. Попытки разговорить её по пути в больницу ни к чему не привели, да и я стала побаиваться грядущего укола.

В полном молчании мы завязали друг друга в белые халаты и поднялись на терапию. Светличная уже ждала в процедурном с полным арсеналом шприцов. Чтобы отсрочить смерть Фёдоровой, я вызвалась первой.

– Вы готовы? – спросила врача.

– Готова, но за последствия укола не отвечаю, – это было чистой правдой, которую я не собиралась скрывать.

– Так нельзя говорить. Если не уверены в своих силах, лучше не рискуйте, давайте перенесём укол на следующее занятие, – пела докторица. Теперь она походила на Медузу Горгону в ореоле пышных ярко-оранжевых волос – наверное, больничным стрептоцидом красилась.

– Нет-нет, вы меня неправильно поняли, всё в полном порядке, зовите больного, – я добавила уверенности в голосе, хотелось закончить мучение раз и навсегда.

– Семёнов, проходите, – крикнула Горгона в коридор.

В кабинет вошёл здоровенный мужик лет сорока – век не догадаешься, что больной. Я вздохнула с облегчением: такому даже от моего укола хуже не будет. Предложив пациенту прилечь, со спокойной душой я всадила шприц в тот самый правый верхний квадрат правой ягодицы, куда мы без устали кололи в поролоновом варианте. Натуральный вариант и не вздрогнул, это придало мне ещё больше уверенности, оставалось ввести лекарство, выдернуть шприц и прижать уколочное место ваткой, смоченной антисептиком. Сделано! Теперь все страхи казались смешными, отныне я могла уколоть кого угодно.

– Зачтено, – проворковала преподавательница и сделала отметку в блокноте.

– Кто следующий?

Маринка стояла, понутив голову. Наверное, её вообще не стоило дёргать, но я прошептала:

– Ты как?

– Плохо, – ответила подруга и шагнула навстречу судьбе.

– Федя, заходи, – врач пригласила на укол следующего пациента.

Мы переглянулись: возможно, Фёдору на роду было написано пострадать от Фёдоровой, интересно было посмотреть на него. Дверь открылась, приговорённый вошёл. Он был приблизительно нашего возраста, щуплый, с длинной тонкой шеей, светлыми взъерошенными волосами и белёсыми ресницами, до боли напоминал цыплёнка – колоть такого было преступлением. Мариша из белой вмиг превратилась в пунцовую: у неё близко расположены сосуды, поэтому краснела она моментально.

– Извините, – прошептала Фёдорова, она ощущала себя палачом и заранее просила прощения у жертвы.

Федя удивился, но почему-то не занервничал, спустил штаны, лёг на кушетку, демонстрируя всем свою тощую задницу. Марина взяла шприц, руки её дрожали и еле двигались. Она как будто совершала таинство, а мы стояли кружком и наблюдали, затаив дыхание.

– Побыстрее, – Горгона торопила Маринку.

Последние минуты перед казнью истекли. Фёдорова набрала в шприц лекарство, выпустила воздух, смочила спиртом вату и на ватных ногах прошествовала на эшафот. Наклонилась над приговорённым, и тут произошло невероятное – покачнувшись, она стала заваливаться на него, так и не успев совершить свой первый и, скорее всего, последний

в жизни укол. Маринка упала в обморок, мы на мгновение окаменели, а когда до нас дошла суть произошедшего, началась полная неразбериха: мы с Силантьевой поднимали Фёдорову, сердобольная Зайцева спасала Цыплёнка, а врачаха бегала вокруг с бутылочкой нашатырного спирта в вытянутой руке. Наконец, Маришу бережно усадили на диванчик и поднесли к её носу нашатырь. Вдохнув его, она пришла в себя, взглянула на нас потусторонним взглядом и, чуть дыша, спросила:

– Как он?

Драматизм момента не предполагал веселья, но я с трудом подавила смех и с напускной заботой заверила:

– Не волнуйся, ты не успела сделать укол, Фёдор не пострадал.

Было откровенно жаль упущенной возможности сдать зачёт, но Силантьева быстро смекнула, что делать, и намертво вцепилась во врачаху:

– Поставьте, пожалуйста, Фёдоровой «автоматом», вы же видите, она не может сделать укол! По состоянию здоровья!

Медуза сама перепугалась не на шутку и без сопротивления согласилась:

– Ладно. В порядке исключения зачту, раз такая тонкая психика у девушки...

Последующие полчаса прошли, будто в тумане, больные заходили в процедурную, девчонки кололи, обмороков больше не было. Втроём мы вышли на лестницу в надежде пе-

ревести дух, но не тут-то было: нас атаковала организованная толпа больных. Делегацию возглавлял бодряк, которого Силантьева так удачно уколола в прошлый раз. Все они были приятно возбуждены происшествием и горели желанием поглядеть на девушку, упавшую в обморок. Позади толпы мелькнул хохолок Цыплёнка.

– Милая, как же ты так? – воскликнул силантьевский старикан, сладко улыбаясь во весь, далеко не полный зубов, рот.

– Всё в порядке, не беспокойтесь, – Наташка попыталась защитить безнадёжно сгорбившуюся Фёдорову, но старикан пёр напролом.

Вдруг заговорил Цыплёнок, по-прежнему топтавшийся в тылу наступавших:

– Иван Александрович, зачем вы так шумите? Дайте девушкам пройти, вы загородили собой всю лестницу, – его голос не вязался с тонкой шеей и был приятного низкого тембра с хрипотцой.

Фёдор пробрался сквозь толпу и, выдержав наш общий изумлённый взгляд, отодвинул Ивана Александровича в сторону и открыл проход к раздевалке. Влетев в каморку у гардероба, мы плюхнулись на единственный диванчик.

– Вот это да! Еле ноги унесли, а всё твоя, Маринка, душевная организация виновата. Чувствительная наша! – Силантьева заботливо развязывала Маринкины тесёмки, не переставая трещать.

– Молчи, мне и так стыдно! В первый раз в жизни упала

в обморок, – оправдывалась Мариша.

– Какая же ты, однако, утончённая натура, просто тургеневская барышня.

– Ну, говорю, хватит, я предупреждала, что не выдержу. Предупреждала? – Маринкины щёки алели.

Вдруг в дверь постучали, Фёдорова испуганно замерла. Дверь распахнулась – на пороге стоял Цыплёнок.

– Хотел узнать, как она себя чувствует? – он обращался почему-то ко мне, хотя Марина сидела ближе.

Про себя я подумала: «Цыплёнок-то не промах!», а вслух ответила:

– Всё в порядке, мою подругу зовут Марина, проходите. Фёдорова молчала, сидела не шелохнувшись. Силантьева, подхватив сумки, стала тянуть меня к дверям.

– Саша, пойдём, получим в гардеробе пальто, мне в ординаторскую надо зайти, – голос у Наташки был деловой, глаза вытаращенные.

Я сразу поняла – не в одежде дело, и бегом рванула за ней. На брошенную Маринку мы старались не смотреть, так же как на кавалера, неожиданно свалившегося на её полуобморочную голову.

Захлопнув дверь, мы обе сжали кулаки, довольные друг другом.

– Только бы не спугнуть, – простонала Силантьева.

– Скажешь тоже, Маринка нормальная девчонка!

– Так я не про неё, про него говорю, только бы его не спуг-

нуть, за неё я не волнуюсь, – Наташка была по-матерински заботливой, когда дело касалось чужого счастья.

– Сам пришел, вот здорово. Может, пожалел её? – удивлялась я.

– Это неважно, пожалел – не пожалел. Понравилась, заинтересовала! – ликовала Силантьева. – Он сейчас в изоляции от внешнего мира, по-другому воспринимает действительность, нам это на руку.

– Ты случайно не писала диссертацию по поведению приматов в неволе?

– Нет, но на практике отдельные мужские особи изучала, – Наташка с полуоборота включилась в перепалку.

– И как успехи?

– Лучше держать в строгости, можно на тумбе, хлыст при этом тоже не повредит.

Громко рассмеявшись, мы сразу же испугались, что нас услышат за дверью.

– Давай подождём Маринку на улице, вдруг они выйдут, а мы тут стоим, как стражники, неудобно, – сказала я.

Мы отправились сторожить на улицу. Когда Фёдорова появилась в дверях, мы уже порядком подмёрзли – её не было минут двадцать, но никакой холод не помешал нам громко в один голос воскликнуть:

– Ну что?!

Маринка по-прежнему была не в себе, глаза блестели, взгляд сумасшедший, вдобавок её покачивало.

– Девчонки, он оказался таким хорошим.

– Нет худа без добра, – изрекла Силантьева, – рассказывай.

– Что рассказывать?

– О чём говорили, рассказывай! – прикрикнула в нетерпении Наташка.

– Давайте отойдём от больницы, вдруг кто-нибудь в окно посмотрит, а мы всё не уйдем никак, – прошептала Мариша и с надеждой взглянула наверх.

Через пару минут мы уже шли по Невскому, не замечая прохожих и начавшегося дождя.

– Он лежит в больнице уже две недели, скоро собирается выписываться, – отрапортовала Фёдорова.

– А чем он болен? – прищурившись, поинтересовалась Силантьева.

– Неудобно было спрашивать.

– А вдруг хроник? Нам калеки не нужны.

– Ты что, подруга, мы же его видели, наверняка ничего серьёзного, – возмутилась я.

– Он у меня телефон попросил, – не удержалась Маринка.

– Свершилось! – завизжала Силантьева.

Марина счастливо хихикала, глядела на нас полубезумными глазами. Шапка набекрень, пальто распахнуто – примерная девочка позабыла застегнуться. Удивительные мы всё-таки существа, как мало нам надо для счастья, и как нелегко порой бывает заполучить эту малость.

IV

Новый год, как всегда, подобрался неожиданно. Невский проспект озарила праздничная иллюминация, в витринах за сверкали наряженные ёлки, огромный Дед Мороз занял традиционный пост у Гостиного двора.

Началась первая сессия. Техника сдачи зачётов была отработана нами до мелочей: мы с Силантьевой рвались зайти в аудиторию в первых рядах, Фёдорову силой заталкивали в последних. На повестке дня был зачёт по древнерусской литературе. Группа толпилась в коридоре, ждали Панченко.

– Девочки, я не сдам, в голове сплошная пустота, а ведь это мой любимый предмет. Какой стыд! – Фёдорова листала аккуратно записанные лекции, оторвать её от тетради было невозможно.

– Прекрати учить, всё ты знаешь, только сконцентрироваться не можешь, – я сидела на скамейке у аудитории, читать уже не могла: позади бессонная ночь, мне казалось, древнерусская литература сейчас полезет из головы, словно каша из кастрюли.

– Нет, Сашка, выучить всё невозможно, – Наташа была зубрилкой, сидела над конспектами не один день, но увереннее не стала.

И тут мы увидели Панченко, плывущего по коридору в нашем направлении. Мариша оторвалась от тетради, чтобы

побелевшими губами прошептать в пустоту:

– Господи, помоги.

Проводив глазами преподавателя в аудиторию, я прикусила язык, становилось страшно. Через несколько минут дверь открылась, светило пригласило нас:

– Ну-с, прошу всех зайти и занять места.

Мы сгрудились у задних парт, только Зайцева с Владимирской бесстрашно сели на первом ряду. В центре аудитории образовался пробел, куда после некоторого колебания направились Жанна с уже наметившимся животом, красавица Марианна и бледнолицый Вадик – они всё равно ничего не знали, поэтому и терять им было нечего. После того, как все расселись, Панченко произнёс вступительную речь:

– Сейчас мы проверим ваше знание древнерусской литературы, это наши корни, истоки, сего стыдно не знать русским людям, – сказал он своим замечательным глуховатым голосом, который мне так нравился. – Первое, что я хочу сделать, это объявить студентов, которые получают зачёт «автоматом». Я видел интерес некоторой части аудитории к моему предмету, способность рассуждать дорогого стоит... – тёплая волна прошла по мне, как летний прибой по песку.

– Зачёт получают... – пауза была мучительной, – Аракчева, Силантьева, Фёдорова. Напишите себе в зачётке слово «зачёт», я подпишу, – Панченко оторвался от списка и с интересом посмотрел на нас, наверное, чтоб оценить степень нашей радости.

Визжать прилюдно мы не осмелились, только тихо выдохнули, в конце концов, надо было пожалеть несчастных, кому предстояло сдавать зачёт по-настоящему. Быстренько подсунув зачётки на подпись, мы вылетели в коридор, там-то нас ничто не сдерживало – я и Маришка запрыгали, как теннисные мячи.

– Вот счастье-то, никогда не думала, что такая ерунда может так радовать! – в душе моей пели райские птицы.

– Давно это зачёт по древнерусской стал ерундой? – Наташа радовалась, но не скакала.

– Сейчас, мне кажется, могла бы запросто ответить на любой вопрос.

– Пожалуй, не стоит рисковать, – Силантьева, как всегда, размышляла здраво и была права.

– Девочки, – Мариша обрела дар речи и способность выражать мысли, – почему он поставил «автомат»? Неужели из-за *того*? Он нас подслушивал? Какой стыд!

Наташка пожала плечами:

– Не всё ли тебе равно? Теперь-то? Ну, иди, скажи ему, что он поступил плохо, пусть покается.

– Да я не о том, я тогда лишнего сказала, не надо было, – Маринка пригорюнилась, а Силантьева только хмыкнула и стала натягивать пальто, такие нюансы её не интересовали.

– Эх, знать бы раньше, могла б сладко спать, а не зубрить всю ночь, меня мутит от жуткого количества кофе, проглоченного за ночь, – с сожалением протянула я.

– Повезло, – заключила Силантьева.

Я вдруг поняла, что абсолютно счастлива в данный момент. Странное ощущение для зачёта, я даже растерялась.

– Зачёт надо отметить, пошли в пышечную? – Наташка всегда была за еду.

– Пошли, конечно, – согласилась я, – вам ведь наплевать на мою фигуру.

– Не каждый день «автоматы» ставят, – заметила Наташка. – Маринка, ты идёшь?

Марина кивнула, и мы двинулись на Желябова, в лучшую пышечную всех времён и народов. Там пекли вкуснейшие пышки, и даже кофе за 22 копейки из кипящего бойлера не мог испортить пышечного пира.

Очередь, как всегда, была большая, но мы никуда не торопились.

– Ты сколько будешь? – Силантьевой всегда давалось трудно подобное решение, она предпочитала сначала опросить подруг.

– Четыре пышки и чай, кофе не могу ни капли, – чётко ответила я.

Я вспомнила, как часто в детстве мы с мамой заходили в пышечную на улице Толмачёва, около кинотеатра «Родина», сейчас это Дом кино. Там в витрине за детским столиком сидели два чудесных игрушечных медведя, на столе стояли красные полосатые чашки и такие же полосатые блюдечки, на каждом из которых – по четыре пышки. Эта витрина с

медведями поражала моё детское воображение...

– Мне больше трёх не съесть, – откликнулась птичка-Ма-риша.

– А я хочу шесть, вы меня осудите? – колебалась Наташка.

– Зачем нам тебя осуждать, ешь, если хочется, фигура твоя в норме, чего мучиться? – я искренне не понимала Наташкиных проблем, она такая стройная, куда только еда де-вается.

– Ты так думаешь? – подруге требовалась жирная точка в решении.

– Бери шесть и ешь на здоровье, сегодня можно, сама ска-зала.

Силантьева с облегчением вздохнула.

До цели оставалось всего три человека, уже виднелся под-нос с горячими аппетитными пышками, щедро посыпанны-ми сахарной пудрой. Вдруг к прилавок подбежала женщина, выкрикивая в пространство:

– Я стояла, вон мой кофе на столе, пропустите!

Мы удивлённо переглянулись.

– Дайте ещё шесть пышек, мне не хватило! – выпалила женщина продавщице.

Наташка прыснула:

– Бедняжке не хватило шести до полного счастья, сколько же она всего брала?!

– А ты переживала, что много ешь, – заметила я.

Заняв столик у окна, мы молча наслаждались пышками.

Силантьева справилась первая. Когда всё съела, не стерпела, задала вопросик:

– Марина, как Федя поживает?

Мариша заулыбалась:

– Звонил, сказал, что выписывается сегодня, завтра в больнице его не застанем.

– Жаль, – заметила я.

– Да что вы, я так рада, у него всё хорошо, – Маринка заняла излюбленную позицию.

– Когда встречаетесь? – Силантьева любила конкретику.

– Договорились встретиться в субботу, мы по телефону на «ты» перешли, по телефону не страшно, к тому же он такой разговорчивый, шутит всё время.

– Вот это хорошо, – Наташка успокоилась, – главное, двигаться вперёд, не останавливаться на достигнутом.

– Помогите мне, пожалуйста, девочки, я не знаю, как себя вести, и надеть мне нечего, – прошептала Марина.

Гардероб Фёдоровой не отличался разнообразием, цветовая гамма в том числе. Мариша свято верила в свои зелёные глаза и подбирала к ним все обновки – в результате большинство вещей оказывалось практичного болотного цвета, который, может, и подчеркивал зелень Маринкиных глаз, но не слишком сочетался с её бледным лицом.

– Знаешь, после халата санитарки, в котором он тебя видел в последний раз, любой наряд будет удачен, – утешала я подругу.

– Нет, надо что-то поярче и помоднее надеть, хочешь, я тебе дам свою клетчатую юбку? – предложила Наташка.

Чудеснейшие клетчатые юбки нам с Силантьевой сшила её подружка – Наташе в серую клетку, мне в коричневую. Ткань покупали вместе, отстояв большую очередь в Гостином дворе. Я очень любила свою прямую юбку чуть ниже колен со складками спереди и казалась себе в ней стройной и современной. У Силантьевой был иной фасон – «колокол». Юбка выгодно подчеркивала её тонкую талию, а мягкие складки напоминали платья Одри Хепберн. Маринке она определённо бы пошла.

– Наташа, спасибо, мне очень нравится твоя юбка, – Мариша испытывала неловкость, но искушение было велико.

– Бери, если нравится, – Силантьева была сама доброта и забота, – а с поведением сориентируешься. Импровизация всегда лучше домашних заготовок, будь уверена в себе, и всё получится.

Я мысленно перебирала шкаф, мне тоже хотелось внести свою лепту в украшение подруги:

– Маринка, я могу тебе дать шарф, помнишь, из голубого мохера? Он будет сочетаться с серой юбкой.

– Нет, Саша, спасибо, у меня есть зелёный, он подходит к глазам, да и к блузке тоже, выпрошу её у мамы, – Мариша была неисправима.

Мы вышли из пышечной, стемнело.

– Какие витрины красивые, – вздохнула Наташа, разгля-

дывая очередного Деда Мороза. – Новый год скоро, где планируете встречать?

Я задумалась. Мне нравятся предновогодние хлопоты, красивый зимний город, покупка подарков, ёлочные базары, но я ненавижу само торжество. Для меня Новый год – это всегда ожидание чуда, когда очень хочется верить в сказку. В детстве я любила новогоднюю ночь, подарки сыпались на меня с 31-го декабря и до конца января, пока не выбрасывали ёлку. Бабушка приучила искать под ёлкой сюрпризы от Деда Мороза ещё долго после Нового года, и я с удовольствием играла в эту игру. В старших классах уже мечтала о шумном празднике, а приходилось сидеть дома с родителями – скучно. Сейчас всё изменилось, хотелось быть взрослой.

– Может, соберёмся с классом, если получится.

– Я дома буду с родителями, посидим за столом и пойдём к дяде с тётей чай пить с тортом, потом гулять, – спокойно сообщила Фёдорова.

Видно, её бунтарский настрой поутих, она не видела ничего плохого в традиционном «Голубом огоньке» по телевизору.

– А Федя как же? – не унималась Силантьева.

– Да что вы, девчонки, я его полраза видела, какой с ним Новый год? – Мариша была удивлена вопросом.

– Почему нет? Вот и узнали бы друг друга получше. Ты не теряйся, подними тему, когда увидите. Я точно дома сидеть не буду, пришла пора действовать, – Наташка загадочно

заулыбалась.

Нет, решительно предновогодние приготовления приятнее, чем сам праздник. Скорей бы прошло торжество и начался новый год, а с ним и перемены, новая жизнь... Хотя ждать нового года, чтобы начать новую жизнь, бессмысленно – так же нелепо, как ждать понедельника, чтобы начать худеть.

*

Марина очень волновалась, она ждала Фёдора на балконе станции метро «Невский проспект». Её бледное лицо имело страдальческое выражение из-за опущенных уголков губ, а опускались они тогда, когда Марина была в чём-то не уверена или чего-то боялась. Сейчас как раз такой случай: Фёдорова была не уверена в себе и боялась предстоящей встречи, не грела даже силантьевская серая юбка из мягкой шерстяной фланели.

Всё с самого начала складывалось неправильно. Во-первых, она пришла раньше Фёдора и теперь не знала, куда себя деть: гулять по Гостиному двору было глупо, стоять столбом ещё хуже. Во-вторых, Марину раздражал свитер, который пришлось надеть вместо запланированной блузки: маме показалось, что Мариша замёрзнет, поэтому блузка в последний момент была отменена, и вместо неё Фёдоровой достался толстый Мишкин свитер, без сомнения тёплый, но как-то не очень подходящий для первого свидания. Такие

предзнаменования пугали.

Вдруг кто-то тронул её за плечо, Маринка обернулась.

– Привет, – сказал Фёдор, улыбаясь и поглядывая на часы.

– Привет, – Мариша тоже попыталась улыбнуться и почувствовала, что краснеет – она краснела всегда, когда нервничала.

– Я не опоздал?

– Это я пришла слишком рано, ехала из Пушкина на электричке и не рассчитала. По расписанию только один поезд подходил, – поспешила оправдаться Марина, украдкой разглядывая Фёдора.

Он выглядел совсем по-другому, по крайней мере, Цыплёнком уж точно не был. Его шея, закутанная шерстяным шарфом, теперь не казалась тонкой, куртка была по размеру и ничем не напоминала огромную больничную пижаму.

Фёдор заметил, что она его рассматривает:

– Что, изменился я с нашей последней встречи?

– Конечно. Ты поправился? – Марина мысленно отругала себя за то, что не сразу задала вопрос о здоровье.

– Всё в порядке, об аппендиците только шов напоминает.

Марина опустила глаза, она стеснялась.

– Пойдём, погуляем, чего без толку стоять? – сказал Федя, и они отправились на Невский.

Погода не очень располагала к пешим прогулкам: шёл крупный снег, дул ветер.

– Смотри-ка, почти пурга, надо утепляться, – Федор вы-

нул из кармана вязаную шапочку, натянул её на голову и сразу стал напоминать школьника – шапка была очень смешная, с помпоном и козырьком одновременно.

– Я в тёплом свитере, мороза не боюсь, – бесстрашно заметила Маринка.

Помпон развеселил её, а козырёк прибавил смелости, да и Мишкин свитер оказался кстати. Они пошли по Невскому проспекту к площади Восстания, стараясь поворачиваться спиной к метели. Как-то не сговариваясь, выбрали направление, противоположное улице Софьи Перовской.

– Ну вот, мороза не боишься, а уколы делать испугалась, – шутливо заметил Фёдор.

Мариша опять стала предательски краснеть.

– Боялась тебя покалечить, а без укола зачёта не ставили, – залепетала она.

– Ладно тебе оправдываться, это я пошутил неудачно. Со мной такое бывает, часто говорю невпопад.

Марина замолчала, все слова куда-то подевались, она совсем не знала, что сказать, и испугалась, что Фёдор примет её молчание за обиду.

– Всё нормально, – выдавила она из себя, но Фёдор, похоже, не расслышал и продолжал монолог.

– Я таких девушек никогда не встречал, правда, – он с интересом посмотрел Маринке в глаза, и от этого взгляда по Маринкиной спине побежали мурашки, а щёки снова запылали:

– Каких «таких»? Я обыкновенная.

– Вот уж нет, обыкновенные в обморок не падают, я точно знаю. Наши белгородские девчонки все боевые, бойкие, скорее я чувств лишусь, а им хоть бы хны.

– Ты из Белгорода? – Марине хотелось сменить тему разговора, она стыдилась своей глупой чувствительности.

– Можно сказать, что из Белгорода, наш посёлок Ударник всего в паре километров от города. В Ленинграде второй год, учусь в Технологическом институте на факультете химической технологии неорганических материалов – неорганические удобрения буду разрабатывать. Живу в общежитии. Вот и вся биография.

– Ну и как, нравится Ленинград?

– Для меня он слишком большой, никак не привыкну, у нас в Белгороде всего-то двести с лишним тысяч населения, в Ударнике сотня, а здесь – миллионы. Все куда-то торопятся, спешат. Сейчас уже освоился, а поначалу тяжело было, от суеты голова болела. Когда на каникулы к маме приезжаю, сразу разницу чувствую, дома – тишина, покой, не то, что в общежитии. Хотя, конечно, Ленинград – красивый город, что тут спорить, но Белгород мне ближе.

– Я читала, Белгород – старинный город, известен ещё с тринадцатого века.

– Нам что-то говорили об этом в школе, я забыл, – признался Федя и улыбнулся. – А ты умная к тому же, а ещё что про Белгород знаешь?

– Да, в общем-то, немного: назван так потому, что построен на меловой горе, правда, в том же веке монголо-татары его разрушили, но уже в шестнадцатом город отстроили заново, а в восемнадцатом он был уже центром Белгородской губернии, куда входили три провинции и тридцать городов, включая Курск и Орёл.

– Откуда ты всё это помнишь? – изумился Фёдор.

– С Мишкой недавно по истории готовили – это брат мой младший, помогаю ему с уроками и заново школьный курс прохожу, – Мариша снова застеснялась, не хотела выглядеть всезнайкой.

Фёдор пожал плечами:

– Ну а почему ты на электричке едешь?

– В Пушкине живу, это пригород, хоть и в черте города, прямо как ваш посёлок.

– Я в Пушкине был один раз, летом с друзьями, мало что помню, лицей там находится, где Пушкин учился, да? – Федя выглядел немного смущённым, это подбодрило Маришу:

– Пушкин, или Царское село, как его называли раньше, был летней парадной резиденцией русских императоров.

– Ничего об этом не знаю, – Фёдор растерялся, а Маринку подкупила его непосредственность.

– В начале восемнадцатого века это место с небольшой усадьбой Пётр Великий подарил Александру Меншикову, но потом Пётр прогневался на фаворита, забрал подарок об-

ратно и отписал эти земли жене, будущей императрице Екатерине. Я приглашаю тебя в Пушкин на экскурсию, всё расскажу и покажу, – Маринка обрадовалась, что может быть чем-то полезна Фёдору. Что-что, а Пушкин она знала с пелёнок.

– Договорились, очень хочу на экскурсию. Вот только пурга закончится, сразу приеду, хорошо? – Федя улыбался, а его помпон шевелился от ветра. – Я совсем тебя заморозил, или ещё силы остались?

– Остались, я ни капельки не замёрзла, – Маринке и вправду было не холодно, она не замечала мороза.

– Тогда пошли мороженое есть, на кафе у меня денег нет, а на мороженое хватит.

– Что ты, давай просто погуляем, – Мариша старалась всем видом показать, что ни о чём таком даже не думала.

– Сказал, пойдём, значит, слушайся, – Фёдор обнял Маринку за талию и легонько притянул к себе.

Маринкино сердце застучало быстро-быстро, она испугалась, что Фёдор почувствует его стук через плотную ткань пальто, и отважно кивнула – есть мороженое в мороз ей ещё не приходилось. Примерная девочка напрочь забыла, что это вредно, что можно простудиться. К Марине проявили нежность, это было очень приятно, об остальном она и думать боялась. Федя взял её за руку и, как маленькую, перевёл через дорогу.

Наступило 31 декабря. Я сидела на диване в своей комнате и смотрела на стену. У меня потрясающая стена, я её очень люблю. Она вся оклеена портретами и афишами Михаила Боярского. Собирала коллекцию с шестого класса – спасибо, мама не возражала против этого, как она говорила, иконостаса. Однако сегодня не Боярский занимал моё воображение – в первый раз в жизни я собралась праздновать Новый год в гостях. Моя школьная подружка Инна Трауберг пригласила к себе почти весь класс, с некоторыми ребятами мы не виделись с выпускного вечера, предстояла интересная встреча.

До выхода из дома оставалось всего ничего (на праздник звали к 23-м часам), я была совсем готова, но праздничное настроение всё не приходило. Не было того радостного ожидания чуда, которое всегда сопровождало новогодние праздники в детстве, скорее, я волновалась, и сам факт этого меня беспокоил и раздражал. Сидела, смотрела в стену и злилась. Когда же я стану такой же лёгкой и непосредственной, как Наташка, когда обрету уверенность и буду смотреть на мир свысока?! Неужели мои комплексы не оставят меня в покое и преодоление себя останется вечной проблемой? Тут я вспомнила об утреннем разговоре с Силантьевой. Она звонила поздравить с Новым годом и рассказать о своих планах, возбуждённый голос позволял легко представить её глаза, искрящиеся в предвкушении вечера:

– Сашка, меня ждёт замечательный Новый год! Любка

пригласила своего приятеля из Военно-медицинской академии, он учится на третьем курсе и придёт на всю ночь, – Силантьева тарахтела, как трещотка. – Ты же понимаешь, что такое ВМА?! Это военная элита, попасть туда на танцы очень сложно, а тут такая удача!

– Подожди, – я попыталась пробиться сквозь Наташкину речь, – вы что, вдвоём с Любкой будете принимать одного курсанта?

– Да нет, дай досказать, Любкин приятель с другом придёт, она говорит, симпатичным, так что всё складывается просто отлично!

– А как же Любкины родители, они тоже с вами?

– Никого не будет, мы абсолютно одни! – заключила Наташа с радостью.

– Тогда осторожней, ты этих парней не знаешь, практически первые встречные, – предупредила я подругу.

Наташка засмеялась:

– Ты забыла, меня бабушка Надя воспитывала, да и Любка безопасность гарантирует! Кстати, я сейчас Фёдоровой звонила, есть новости с фронта.

– Они встретились с Федей? – обрадовалась я.

– Встретились, ходили в мороженицу.

Мороженицами в Ленинграде называли кафе, где подавали мороженое на развес. Оно продавалось шариками – пломбир, черносмородиновое, шоколадное, в заведениях попроще его поливали сладким сиропом, в более пафосных – по-

сыпали тёртым шоколадом. Молодёжь любила мороженицы, мороженое стоило недорого, да и вкусное было, а ленинградское считалось лучшим в СССР.

– А потом гуляли по Невскому, – продолжала докладывать Силантьева. – Или наоборот, я уже не помню. Ты ведь знаешь, как у Фёдоровой с рассказами.

Наташка была права, Мариша и так о себе говорила мало, а тут такие интимные подробности.

– В мороженицу? Фёдорова? Зимой?! А что ещё сказала?

– Сказала, что по уши в салате «Оливье», а ещё у неё на повестке дня «Селёдка под шубой». У них там дым коромыслом, вся семья готовится к празднику, – Силантьева была всё-таки язвой. – Встретимся в институте, проведём допрос с пристрастием. Всё, давай прощаться, – заторопилась подруга, – ещё куча дел, встречай год Быка весело! Увидимся второго января на консультации, я тебе расскажу, как всё прошло, – пообещала Силантьева и повесила трубку, а я представила, сколько пользы получу от консультации под её рассказы.

Вспоминая наш разговор, я сравнивала себя и её и была собою очень недовольна. Неужели всё дело во внешности? Я подошла к зеркалу. Оделась, на мой взгляд, неплохо. Новая и теперь уже любимая клетчатая юбка отлично сочеталась с изумрудной струящейся блузкой, привезённой мамой из Таллинна, да и туфли были шикарные, австрийские, – папочка постарался. Похудеть бы на пару размеров, вообще бы

красавицей была, но эта мечта никак не хотела осуществляться. Я отвернулась от зеркала – что есть, то есть, пора идти.

– Мама, ухожу, с Новым годом! – крикнула я в сторону кухни, где мама возилась с пирогом, а Чезаня караулила крошки со стола.

– Успеха! – мама появилась в дверях и оглядела меня с головы до ног. – Неплохо, блузка красивая.

– Да ты не про блузку, ты про меня говори.

Тут из комнаты вышел папа и стал ворчать:

– Куда идёт ребёнок? Один, на всю ночь, что за безобразие?

Мама махнула рукой:

– Пусть идёт, она уже взрослая!

«Как мне повезло с родителями», – подумала я, открывая дверь.

– Только звони почаще, – неслось вслед.

Я кивнула стене в коридоре и вышла навстречу судьбе.

*

Из-за проблем с транспортом я опоздала в гости, пришла минут за двадцать до полуночи. Меня поразило огромное количество людей на улице: раньше казалось, что Новый год – семейный праздник, и все отмечают его дома, в кругу семьи. Толчая в метро доказывала, что я ошибалась – как будто весь Ленинград ехал в гости.

– Ну, наконец-то, – воскликнула Инна, открывая дверь.

Инкины гости повалили в прихожую, и я с радостью узнавала знакомые лица:

– Маша, Андрей, как давно мы не виделись! – меня охватило счастливое чувство, праздник ко мне всё-таки пришёл.

Я смотрела и не преставала удивляться: мои одноклассники очень изменились и в то же время были такие родные, такие близкие. Мы радовались друг другу, как дети.

– За стол! Скоро Новый год, а мы ещё не проводили старый, это неправильно, – Инна мастерски руководила банкетом.

Ещё в школе она была заводилой, активисткой и кем только ни была. Наши отношения крепкой дружбой назвать нельзя, но и простыми приятельницами мы не были, скорее всё же подругами. Во всяком случае, от общения с Инной у меня остались только хорошие воспоминания.

Мы стали рассаживаться за столом. Моим соседом был Андрей Голубицкий, наш отличник и знаток французского языка. Мы проучились вместе два года, он пришёл в девятом, когда наш класс объединили с параллельным, и сначала я восприняла его как конкурента. До него я считалась лучшей в группе по французскому, а тут появился парень, который сам будто истинный француз: темноволосый, галантный, обаятельный. Он не только знал французскую грамматику, он её использовал, говорил легко и непринуждённо. Моя звезда закатилась, хотя я очень быстро смирилась с по-

ражением: Андрюша не бравировал знаниями и всегда помогал, с ним было интересно.

Воспользовавшись соседством за столом, мы принялись болтать:

– Андрей, так рада тебя видеть! Сто лет прошло, ты изменился, повзрослел.

– А ты не изменилась, – Андрей широко улыбался, и мне стало казаться, что выпускной вечер был только вчера, мы выступали с прощальным концертом, потом танцевали до утра, что не было экзаменов в институт, колхоза, девчонок, всё новое как-то отодвинулось и потускнело.

Меня чуть кольнула фраза, что я не изменилась (значит, не похудела), но сейчас раздумывать было некогда:

– Ты ведь поступил в горный институт?

– Да, в горный, на автодорожный факультет, – Андрей говорил и продолжал улыбаться.

Улыбка у него была очень добрая и делала его сильно похожим на крокодила Гену из одноимённого мультфильма.

– Нравится учиться?

– Нормально, только скучновато – в группе одни парни и на потоке всего две девушки. После нашего класса как-то непривычно, помнишь, как весело мы время проводили?

– Конечно, помню! – воскликнула я. – А у нас абсолютно зеркальная ситуация. Вот повезло вашим девчонкам, столько им внимания, заботы.

Я старалась говорить без зависти в голосе, но чуть фаль-

шивила, впрочем, Андрей этого не заметил, или сделал вид, что не заметил.

– Знаешь, я часто вспоминаю нашу учёбу, хорошо, что мы опять встретились, я по тебе скучаю.

От этих слов я растерялась. Мы с Голубицким были друзьями, иногда мне казалось, что нас связывает что-то ещё, но я гнала от себя эти мысли, а сейчас в душе снова затеплилась надежда.

– Тебе известен мой телефон, звони, как взгрустнётся, – ляпнула я и сразу пожалела, что выразилась так резко, но что делать, уже сказала.

Андрей засмеялся и что-то хотел добавить, но нас призвали к порядку: Инна на правах хозяйки провозглашала тост за старый год. Все встали, напротив меня оказался Малышев, наш двоечник и растяпа. В школе он сидел передо мной и списывал у меня всё подряд, не всегда удачно: в точных науках мои знания его подводили. Но Вовка никогда не расстраивался, двойки и тройки по алгебре и геометрии его не особо волновали. Сейчас он стоял в одной тельняшке и держал в руке бокал красного вина. Было заметно, что принял он уже достаточно.

– Привет, Саша, вот и встретились, выпьем за дружбу, – Вовка от души чокнулся с моим бокалом, его повело вперёд и в мгновение ока моя новая, вернее, мамина изумрудная блузка с жемчужинкой вместо пуговицы была залита красным вином.

– Малышев! – только и успела крикнуть я в сердцах, как когда-то в школе.

Инна вскочила, девчонки побежали за солью, чтоб засыпать пятно, но неожиданно стали бить куранты – наступал новый год, пора было снова поднимать бокалы.

Так начался для меня 1985-й год: я сидела, вся залитая вином и заснеженная солью. Андрей стоял рядом и, похоже, совсем не знал, что делать, впрочем, и я не знала. Стирать блузку глупо, ходить всю ночь в пятнах – тоже, пришлось переодеться в джемперок, предложенный Инкой, и внушать себе, что я прекрасна. Когда мы с хозяйкой вернулись за стол, Малышев сидел на месте Голубицкого и делал для меня печальное лицо:

– Саша, прости, так глупо получилось, – его светло-серые глаза выражали почти скорбь. Выпитое вино серьёзно повлияло на дикцию, он говорил запинаясь, каждое слово давалось ему с трудом.

– Ладно, прощаю, надеюсь, этот наряд не хуже предыдущего, – я попыталась пошутить, что ещё оставалось делать?

– Ты похожа на учительницу.

– Какое счастье, – ответила я. – Давай на этом закроем тему.

Мне очень хотелось, чтобы Малышев вернулся на своё место и оставил меня в покое, но Вовка искренне желал искупить вину и пересаживаться не собирался.

– Как это я сплеховал? – он качал головой, как маятник,

и искал на столе бутылку.

– Видно, штормило сильно, – не удержалась я, рассматривая его тельняшку.

– Нет, шторм мне нипочём, я подводник, я в Дзержинку поступил! – Вова был так доволен собой, что забыл про печальное лицо.

– Поздравляю, – откликнулась я.

Вспомнился Толик с «юбочкой».

Глазами я искала Андрея, в комнате его не было. Вдруг он возник в дверях, но увидев Малышева, сидящего на его месте, куда-то испарился. Я сделала последнюю попытку освободиться от «моряка»:

– Давай уж, плыви к своему пирсу, снимайся с якоря, – мне показалось, что так Малышев лучше меня поймёт.

Но не тут-то было. Якорем для него была очередная бутылка вина, и на нашу сторону он, видно, забрёл, привлечённый именно ей. Тогда я поняла, что выход один – бежать. Я встала и пошла искать Андрея. Голубицкий сидел на кухне, курил с Машкой, закадычной подружкой Инны Трауберг.

– Вот вы где! – воскликнула я. – Спасите от Малышева, сначала окатил вином, теперь разговорами донимает.

Андрей вскочил:

– Негодяй, он уже пришёл навеселе, наверное, начали праздновать ещё в училище, надо его спать положить.

Маша Зимина в изумительном блестящем платье усмехалась и покуривала, а я в чужом коричневом свитере бы-

ла сама себе противна. Так хотелось, чтобы она куда-нибудь ушла, и ниточка, которая протянулась между мной и Андреем, не прервалась. Но Зимина никуда не собиралась, она чувствовала свою неотразимость и кокетничала с Голубицким напропалую.

– Андрей, ну как же вы с ребятами за Малышевым не уследили, – воскликнула она с притворным негодованием и улыбнулась.

Я просто физически ощутила, как решительно настроена Зимина. Чтобы это прекратить, требовались кардинальные меры.

– Пойдёмте танцевать, что мы здесь сидим?

– Саша, подожди, дай докурить, – Маша манерно держала сигарету и никуда не торопилась. – Ты не куришь?

– Нет, – сухо отозвалась я.

Не то чтобы во мне было много злости, но в этот момент я просто ненавидела Зимину. Мне захотелось встать, одеться и уйти домой. Но шёл только первый час ночи, было глупо уходить так рано. Я ругала себя за слабость, за неумение бороться, за комплексы, к тому же не хотелось сидеть и дышать чужим дымом – пришлось встать и выйти из кухни, оставив поле боя за Машей.

Прошло часа два, мы трепались с Трауберг о всякой ерунде в спальне её родителей. Моё новогоднее настроение было безнадёжно утрачено, в душе воцарилось какое-то безразличие, надежды покинули меня, и больше всего хотелось, что-

бы эта бесконечная ночь закончилась. Вдруг дверь в спальню открылась, на пороге стоял Голубицкий.

– Долго вы тут будете прятаться ото всех? – сказал он с напускной строгостью. – Мы их ищем по всей квартире, а они спрятались и сплетничают напропалую.

– Что ты, Андрей, – рассмеялась Инна, – мы о жизни разговариваем, так давно не виделись, есть что обсудить.

– После переговоров, сейчас надо веселиться, – Андрей был так мил, что я воспряла духом. – Саша, можно тебя пригласить?

Он улыбнулся только мне, в груди что-то шевельнулось.

– Пойдём, конечно, – я так быстро вскочила, что чуть не уронила ночник, стоящий у изголовья кровати, на которой мы сидели.

«АВВА» пела про Happy New Year, но я её почти не слышала. Во время танца меня переполняли новые ощущения: Андрей был в тонкой белой рубашке, и я чувствовала его под этой рубашкой. Мышцы были напряжены, а глаза смотрели на меня с такой лаской и добротой, что в них хотелось утонуть. В первый раз в жизни я почувствовала себя желанной. Мы были так близко друг от друга, и что-то снова связывало нас, как в школе, когда сидели до вечера в пустом классе и говорили о Шарле Бодлере, Александре Дюма и французском кино, иногда просто молчали. С улицы в форточку светил фонарь, мы были одни не только в классе, но во всей тёмной школе, расходиться совсем не хотелось. Сейчас было

то же самое – только он и я в круге света, и снова я мечтала, чтобы это не кончалось. Но песня закончилась, мы вынуждены были сесть к столу. Малышев тем временем уже прикорнул у салата.

– Смотри, Вовка-то уже спит, – мне показалось, что Андрей сказал это, только чтобы что-то сказать, впрочем, я была ему за это благодарна.

– Всё, что мог, он уже совершил, пусть спит, – в эту минуту Малышев был мне глубоко безразличен, больше всего я боялась, что сейчас кто-нибудь подойдет и всё опять закончится.

– Какие планы на выходные?

Я замерла от радости.

– У нас третьего экзамен, придется зубрить кучу билетов, но это не проблема. А почему ты спрашиваешь?

– Может, встретимся? Я позвоню?

Я глупо закивала.

– В каникулы собираемся в поход, – Андрей не договорил: возникла Машка и увела его танцевать.

На этом праздник закончился. То есть он продолжался, но ни фанты, заботливо подготовленные Инной, ни Дед Мороз в исполнении нашего Альберта, ни прогулки во дворе и катание с детской горки не добавили ничего нового к тем впечатлениям, что я уже получила. Ниточка порвалась.

К утру все стали расходиться. Голубицкий жил в центре, недалеко от Зиминной, которая покачивалась, выкрикивала,

что не дойдёт до дома, висела у него на руке. Я была абсолютно трезва и не настаивала на провожатом. В метро я думала об Андрее, о нас, о Зиминной, о Боярском и не вспоминала. Надо срочно посоветоваться с Наташкой, уж она-то должна знать, что со всем этим делать.

*

Силантьева сияла. Они сидели с Любкой за праздничным столом в обществе двух курсантов из Военно-медицинской академии имени Кирова. Люба была блондинкой с милым кукольным личиком, стройной фигуркой и умело подведёнными глазами. Наташа знала её сто лет, по крайней мере, в школе они всегда были вместе, видимость дружбы существовала, но большой уверенности в Любке у Наташи не было. Да и кавалеры часто не знали, кого из подруг выбрать – девчонки были банально разные: Наташа – чёрненькая и заводная, Люба – беленькая и спокойная. Сегодня кавалером Наташи был Геннадий, не слишком высокий, немного полноватый, но, без сомнения, уверенный в себе молодой человек. Любка кокетничала с Алексеем, очень симпатичным и задумчивым.

– Девушки! Предлагаю тост! – Геннадий оказался заправским тамадой. – Нам с Алёшкой необыкновенно повезло. Надеюсь, всем присутствующим известна верная примета: как встретишь Новый год, так его и проведёшь?

Все закивали, оратор продолжал:

– Мы избранные – встречаем праздник в компании та-

ких красавиц, значит, нам предстоит весь год наслаждаться очаровательным обществом.

Любка промолчала, Наташа заулыбалась – она любила комплименты. Геннадий по этой части был неистощим.

– Гена, вы нам льстите, но ваша лесть приятна, продолжайте в том же духе! Тем более по вашей теории, нам придётся комплименты выслушивать в течение всего года. Нас это устраивает!

– Я всегда говорю только правду! Кстати, есть ещё одно дельное предложение персонально к вам, Наташа, давайте выпьем на брудершафт! Люба с Алёшкой на «ты», я с Любой на правах Лёхиного друга тоже, с вами же мы общаемся слишком официально, а у нас целая ночь впереди...

Наташа улыбнулась Геннадию и с королевским величием вымолвила:

– Я согласна!

Геннадий налил всем шампанского, Силантьева пригубила и подставила щёки для поцелуев.

– Давайте танцевать, – предложила Любка, – что же мы всё сидим и «Голубой Огонек» смотрим, прямо как пенсионеры.

– Это наша оплошность, девушки, – Гена встал и церемонно пригласил Наташу на танец.

Они танцевали под музыку Поля Мориа. Геннадий шептал Наташе на ушко новые любезности, она смеялась. Вечер обещал быть очень романтичным.

– Наташенька, ты такая необыкновенная девушка, твои

бархатные глаза просто завораживают.

Незаметно они остались одни в комнате, Люба с Алексеем куда-то пропали. Сидя рядом с Наташей на маленьком диванчике, Геннадий попытался её обнять.

– Гена, не так быстро, давай о тебе поговорим, – Наташа решила изменить направление беседы и замедлить темп развития отношений. – Расскажи лучше, почему ты решил врачом стать? У нас ведь тоже медицина есть, после нескольких занятий я поняла: врачи – особые люди, быть доктором не каждому дано.

Геннадий даже выпрямился от удовольствия и с умным видом принялся рассуждать:

– Я не думаю, что врачи – особая каста, просто у меня отец уже двадцать лет на кафедре в Академии преподаёт, глупо было не воспользоваться блатом, – курсант понял, что поторопился с объятиями и чуть отодвинулся от Наташи, впрочем, отступать не собирался и руку с плеча не снял.

– Вот видишь, – Наташа закивала головой, – в тебе, наверное, гены медицинские заложены, это судьба.

– Гены у Гены, – засмеялся Геннадий, – отличный каламбур!

Наташа тоже смеялась, она была просто счастлива: это её стихия – вот так сидеть, чуть-чуть флиртовать, обмениваться долгими взглядами. Как ей всего этого не доставало в последнее время! Их почти семейные отношения с Вороновым отдавали заученностью фраз и не сулили ничего романтич-

ного. С Геннадием было всё по-другому. Наташа даже прощала ему некоторое самодовольство и излишний вес, пока ей всё чрезвычайно нравилось.

– Призвание – штука хорошая, – Гена пожал плечами, – мой батя говорит, что хирургом надо родиться, слишком многое на карту поставлено. От ошибки хирурга последствия куда более опасные, чем от действий какого-нибудь нерадивого терапевта, к военным врачам это в первую очередь относится. Знаешь медицинскую шутку о том, что у каждого врача есть своё маленькое кладбище? Папаша любит порассказать о неправильно проведённых операциях и забытых хирургических инструментах в теле больных.

– Какой ужас, – Наташа содрогнулась от таких слов.

– Есть такое понятие – врачебный юмор, он действительно специфический, пациентам его не понять. Наташенька, не сразу всё приходит, сколько народу у нас из анатомического театра сбегало, ты не представляешь. Над всем довлеет привычка – человек такое существо, может выжить в самых непростых условиях, как таракан. Так что ко всему можно приспособиться, и к моргу тоже.

Тут появились Люба, она несла торт, испечённый Наташкиной бабушкой, Алексей шёл сзади с чайником.

– Давайте пить чай, – Люба улыбалась и выглядела довольной, видно, время, проведённое с Алексеем на кухне, не было потрачено впустую.

– Отличная мысль, – Геннадий вскочил и галантно подал

Наташе руку, чтобы проводить к столу.

Наташе это тоже очень понравилось.

Потом они пили чай с тортом, якобы приготовленным совместными усилиями Наташи и Любы, и количество комплиментов в адрес кулинарных способностей подруг просто зашкалило. И снова танцевали.

– Сегодня действительно замечательная ночь, – Геннадий заглядывал Наташе в глаза и восторженно улыбался, она хитро смеялась ему в ответ.

Разрешение на поцелуй было получено без слов, Наташа надеялась, что бабушка об этом не узнает.

*

Учиться после праздников совсем не хотелось, это было сплошным насилием над организмом. Я проспала всё первое число, а второго уже сидела на консультации по библиотечному делу и пыталась сконцентрироваться. Впрочем, всё было так, как я и предполагала: по одну сторону от меня Силантьева пыталась рассказать о новогодних событиях, по другую Фёдорова шелестела конспектами, призывая вернуться к библиотекам. Я застыла между ними оглушённая и абсолютно не готовая к активным действиям.

– Саша, ты представляешь, его зовут Гена! Как крокодила! – Наташка выплёскивала информацию в моё правое ухо, правда, не могла говорить по порядку, как обычно любила, получалось тезисно.

Тезис о Гене привлек моё внимание: про крокодила я вспоминала в новогоднюю ночь, сравнивая его улыбку с улыбкой Андрея, и вот он возник снова.

– Саша, ты посмотри, какие билеты объёмные! Пропадём мы с этим библиотечным делом, – Мариша настаивала, чтобы я прониклась будущим несчастьем, и шептала в левое ухо.

– Мы праздновали вчетвером, Любкины родители пошли в гости, сестра к подруге, – Наташка продолжала отчёт в условиях, приближённых к боевым.

– Самое страшное – это источники, здесь половина вопросов по статьям Крупской!

– Давайте послушаем преподавателя, – взмолилась я, – не могу думать обо всём сразу.

Девчонки озабоченно взглянули на меня и замолчали. Остаток консультации я наслаждалась покоем, через час она закончилась, мы вышли из аудитории.

– Что с тобой произошло, что-то случилось? – Силантьеву не обмануть, я нуждалась в помощи и как можно скорее.

– Ничего не произошло, хотя могло бы, – спокойно ответила я, и это было правдой.

Он не позвонил, хотя я так надеялась. Начала думать о его звонке сразу, как проснулась первого января, и к вечеру совсем пала духом. Была ещё слабая надежда на сегодняшний день. Я ненавидела себя за эти мысли, но продолжала думать снова и снова.

– Ты должна мне всё рассказать.

– Девчонки, а как же экзамен? – Мариша сделала робкую попытку вернуть нас к действительности. – Надо готовиться, осталось совсем мало времени.

– Ну и что, что экзамен, он только завтра, в три часа дня, у нас ещё сегодняшний день и завтра полдня в запасе. Давайте поедem ко мне, будем готовиться вместе, к тому же у меня дома бабушки нет, она уехала на праздники к сестре, мама с папой в гостях. Помните, мы хотели устроить девичник? Самое время! – идея основательно захватила Силантьеву.

Я растерялась и отреагировала не сразу, Мариша была решительнее.

– Нет, Наташа, я не могу, мне надо дома учить, иначе не запомню, – Фёдорова не любила экспериментов и рисковать не собиралась.

– Почему нет? – подумала я вслух, а про себя порадовалась: не придётся второй день сидеть у телефона и ждать его звонка.

– Ура! Даёшь Крупскую совместными усилиями! – ликовала Силантьева.

Мы дошли вместе до метро, рассуждая о библиотечном деле, про Фёдоровского Федю так и не спросили, вспомнили об этом только когда расстались с Маришей.

– Если было бы что-то важное, сама бы сказала, – резонно заметила Силантьева.

– Да, наверное, – я попыталась с ней согласиться, но в глу-

бине души корила себя за невнимание.

Мы вернулись к Наташкиной истории.

– Это мой лучший Новый год, так я ещё никогда не веселилась, – она больше не могла терпеть и начала подробный рассказ. – Ты же знаешь, у меня любовь к военным от бабушки, но я никогда не думала, что парни в форме так отличаются от гражданских.

– И чем же? – мне стало любопытно.

– Они абсолютно взрослые люди, это тебе не мальчишка Воронов с глупыми подозрениями и беспричинной ревностью. Гена учится на третьем курсе, будет хирургом, ты представляешь, как это ответственно – людей резать?

– Никогда не резала, поэтому представить трудно, – отвечала я, хотя подруга в моих комментариях не нуждалась и оживлённо продолжала рассказ.

– Он так здорово комплименты делал, так шикарно ухаживал, сказал, что у меня бархатные глаза. Это правда?

– Конечно, между шёлковыми ресницами под тюлевыми бровями. Ну, и что дальше? – в этот момент я подумала, что слишком строга к Наташе, надо быть внимательнее и мягче к ней.

– Мы долго танцевали, а потом целовались, и всё так красиво, без пошлости, – подруга замолчала, вспоминая о прошедшем. – Просидели до четырёх утра, потом Гена меня домой провожал, – Силантьева сладко улыбалась. – Я телефон ему дала, вчера уже звонил!

Мне было больно это слышать. Я не дождалась звонка, и сегодня не дождусь, потому что мы уже пришли к Силантьевой.

*

Наташа жила в большой четырёхкомнатной квартире, негласно разделённой пополам. Одна половина была апартаментами бабушки Веры Фёдоровны, другая – младших Силантьевых в лице Наташки и её родителей. Граница проходила по коридору.

– Раздевайся, – Наташа полезла за тапочками, – бабушка чистоту блюдёт, не дай бог ковры затопчем.

– А она и в вашей части следит за порядком? – я никогда не сталкивалась с раздельным имуществом в одной квартире и с любопытством интересовалась подробностями.

– Нет, к нам она не ходит, но коридор – территория общая, приходится приспосабливаться. Сейчас я уже привыкла, а поначалу нелегко было. Она меня растила, нянчилась со мной, а ведь у неё всего четыре класса церковно-приходской школы.

– Прямо как в книгах пишут, – восхитилась я.

– Это про бабушку можно книжки писать, она порой так скажет, закачаешься. Ещё когда дед был жив, шумные праздники устраивали, да и теперь по семейным поводам весь клан собирается: у бабушки трое детей – мой папа и ещё две дочери, мои тётки. Гостям домой идти, а бабушка вдруг

заявляет: «Надо серебряные чайные ложки посчитать. Все свои, а ложек не хватает, можете себе представить? Недавно в гостях была, так алюминиевые ложки подавали!» Или ещё. Тётя Люда купила новый джемпер, пришла к нам, а бабушка, увидев её, говорит: «Странный ты, Людка, свитер купила, спереди овечка, сзади шерсть». Ей на язык лучше не попадаться, про собачку соседскую заметила: «шерсть у неё плойками». А однажды что-то описывала, да забыла адрес, потом вспомнила: «Улица там – Зодчего Россего». Мы так хохотали! Про люстру дочкину как-то рассказывала: «У Гали люстра висит обвалом!» Нарочно не придумаешь. Мы с мамой смеялись всегда над её высказываниями, давно хотели за бабушкой записывать, да так и не собрались. Она всю жизнь на заводе завхозом цеха проработала, всё сокрушалась: «Не знаю, чего нести! Надо? Нет?» Всегда так следила за собой, да и сейчас – спереди чёлку начешет, сзади всё приплюснуто, но красавицей себя считает. Я ещё с пелёнок поняла: главное – вера в себя, в собственную красоту и неотразимость, тогда и другие обратят внимание. У бабушки в шкафу по десять пар туфель стояло, а она всем жаловалась: «Что носить? Эти рвут, эти жмут, эти, как ножом, режут!» После смерти деда на неё что-то нашло, полки в холодильнике поделили, стали независимыми государствами в отдельно взятой квартире.

– А если твой папа захочет есть, а на вашей полке ничего не будет, неужели она сына не угостит? – изумилась я.

– Накормит, конечно, это всё только игра на публику, ба-

бушка – великая актриса, она просто недолюбливает мою маму и борется за любовь сына, моего отца. Отсюда все эти раздели, личная территория, границы и правила, – Силантьева терпеливо продолжала рассказ о своей семье.

– В общем, снова одиночество, но иного типа, в кругу семьи, – я ощущала себя исследователем чужого жизненного пространства.

– Ну да, не дай бог испытать такое.

– Мой дедушка прожил шесть лет после смерти бабушки, а потом взял и женился, – теперь уже я делилась семейными тайнами. – Мы, конечно, уважаем тётю Аню, его новую жену, она о нём заботится и, по-моему, им неплохо вдвоём, но как-то за бабушку обидно: так любил и вдруг забыл.

– Что лишний раз доказывает – женщинам труднее жить на свете, а найти себе спутника жизни в старости вообще непосильный труд, ведь именно мужчины принимают решение о женитьбе и делают предложение женщинам, а не наоборот.

– Да, ты права, – со вздохом согласилась я, – как в каменном веке, так и сейчас.

– Что же делать, если мы слабые женщины, – Наташка провела меня в свою комнату.

– Это ты-то слабая?

Силантьева не обратила на мои слова никакого внимания и продолжила мысль:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.